

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

М.С. Штейман

**РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
XVIII ВЕКА**

Учебно-методическое пособие

Елец – 2017

УДК 070(091)

ББК 76

Ш 88

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
от 31. 01. 2017 г., протокол № 1

Рецензенты:

В.И. Грязнов, член Союза журналистов Липецкой области, заместитель
главного редактора «Липецкой газеты»;

М.А. Стрельникова, кандидат филологических наук, доцент (Елецкий
государственный университет им. И.А. Бунина)

М. С. Штейман

Ш 88 История отечественной журналистики XVIII века: учебно-
методическое пособие. – Елец: Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина, 2017. – 101 с.

Книга включает в себя пособие «История отечественной журналистики
XVIII века» с тестами и вопросами для повторения, хрестоматию, знакомя-
щую с произведениями русских публицистов, а также темы курсовых работ.

В пособии учтены последние исследования в области журналистики,
отражены изменения, которые произошли за последнее десятилетие в содер-
жании образования и характере преподавания гуманитарных дисциплин.

Для студентов факультетов и отделений журналистики, аспирантов, а
также для студентов-иностранцев, обучающихся в России.

УДК 070(091)

ББК 76

ВВЕДЕНИЕ

Литература XVIII века была подготовлена всем ходом предшествующего развития русской общественной и культурной жизни, особенно второй половины XVII в. – времени формирования русской нации, русской государственности.

Новые исторические условия жизни России в XVII в. усилили социальное размежевание, вызвали активизацию демократических слоев населения, укрепление позиций дворянства, повышенный интерес к жизни рядового русского человека и к окружающей его бытовой обстановке.

Эти экономические и социальные сдвиги обусловили резкое отличие новой литературы – литературы XVIII в. от литературы IX-XVI вв. – периода, когда литература была тесно связана с исторической тематикой и носила в основном церковный, официальный характер. С XVII в., преимущественно со второй его половины, литература начинает проявляться в своей художественной специфике: появляется понятие авторской индивидуальности, в создании художественных образов большую роль начинает играть творческий вымысел, усиливаются светские элементы, литература демократизируется. Уже с конца XVI в., а затем и в XVII в. определилось движение русской жизни к европейскому образованию. Усилившаяся связь с западноевропейскими странами принесла в литературу переводную повесть, которая знакомила русского читателя с новыми культурными понятиями, новой тематикой и новыми стилистическими формами выражения.

Влияние традиций древнерусской литературы, с одной стороны, и новые влияния, вызванные деятельностью Петра I, определили развитие литературного процесса в первые десятилетия XVIII в. Переворот в культуре первых десятилетий XVIII в. был подготовлен предшествующим развитием русского государства, но петровские преобразования дали более действенный толчок в этом направлении.

Литература XVIII в. – важный этап в развитии национальной русской литературы на пути к ее мировому признанию. В период образования русской нации, утверждения исторической роли русского государства, когда потребовалось осмысление и отображение этих важнейших событий в литературе, потребовалась активная защита петровских реформ, в русской литературе защита петровских реформ, в русской литературе появились имена писателей-просветителей: Феофана Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова. Термины «просветители», «просветительство» в отношении к XVIII в. употреблялись обычно, когда речь шла о писателях эпохи Просвещения – Новикове, Фонвизине, Крылове, Радищеве. Однако в современных литературоведческих работах этот термин получил более широкое распространение, и это вполне справедливо, если иметь в виду различное, в зависимости от времени и конкретно-исторических обстоятельств, толкование «просветительства».

Стремясь к созданию общенациональной культуры, просветители первой половины XVIII в. представляли интересы нации едиными. Для них единст-

венно надежным орудием социального и культурного процесса оказывался просвещенный монарх. Вместе с тем ими был выдвинут принцип естественного, внесловного равенства людей, и хотя этот принцип рассматривался в морально-этическом, а не социальном плане, тем не менее это было большим завоеванием первых русских писателей XVIII в. Важным моментом раннего просветительства было сочувственное отношение к закрепощенному крестьянству и критика жестокости, произвола, невежества дворянства.

Движению дворянского просветительства в XVIII в., нашедшему выражение в литературе и журналистике, способствовала ставшая более резкой борьба идеологии господствующего класса и идеологии демократической. Однако культура господствующего класса не была единой. В творчестве прогрессивных дворянских писателей находили выражение общенародные идеи. Вершиной выражения общенародных идей явилось творчество Радищева, показавшего действительность в ее социально-общественном осмыслении и впервые выразившего гневный протест против самодержавно-крепостнического строя.

С XVIII в. начинается развитие периодической печати – факт огромного общекультурного значения. Характерно, что с приходом в литературу Сумарокова и Ломоносова возникает довольно устойчивая традиция, когда переломные писатели XVIII в. выступают одновременно в качестве литераторов и журналистов.

Итак, значение XVIII в. велико в развитии литературы и общественной мысли.

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII ВЕКА

Конец XVII и начало XVIII в. ознаменовались большими социально-политическими и экономическими сдвигами, которые обусловили формирование русской нации и не замедлили сказаться на развитии русской культуры и литературы. Этот переломный период в истории России, период создания феодально-абсолютистского государства, связан с преобразовательной деятельностью Петра 1, наложивший отпечаток на дальнейшее развитие всех сторон русской жизни.

Реформы были необходимы для укрепления внешнего и внутреннего положения дворянского государства. В создании военно-бюрократической монархии Петр видел условие для преодоления отсталости страны.

Перед Россией стояла задача создания культуры общеевропейского типа и в то же время глубоко национальной, русской. Целый ряд общекультурных мероприятий, осуществленных Петром, способствовал развитию и русской литературы. Возникает ряд новых учебных заведений, развивается книгопечатание, с 1707 г. вводится новый шрифт, который упрощает усвоение грамоты. В 1724 г., в конце царствования, Петр 1 утвердил устав Академии наук, которая была открыта уже после его смерти, в 1725 г.

Большого развития достигло издательское дело, которое раньше служило преимущественно нуждам Церкви. Теперь книгопечатание было поставлено на службу государственной, преобразовательной деятельности Петра. Открылись новые типографии в Москве, Петербурге, за границей. В первые 25 лет XVIII в. вышло больше книг, чем за два предыдущих столетия (600 книг и брошюр). Каждая книга, изданная в петровскую эпоху, вводила в мир новых понятий, способствовала расширению кругозора. Для воспитания дворянства в духе хорошего тона, благовоспитанности были изданы специальные книги: «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708) и «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717).

Культура этого времени носила светский характер и соответствовала национальным интересам. Старые традиции еще не были сметены окончательно, Православная Церковь, религиозная идеология остались, но уничтожение патриаршества, создание Синода навсегда пресекли претензии Церкви стать над государственной властью.

Все эти нововведения Петра находили вместе с горячей поддержкой резкое сопротивление со стороны поборников старых порядков. Эта борьба нового со старым пронизывает всю русскую действительность первых десятилетий XVIII в. и находит отражение в развитии преимущественно публицистических произведений.

ПУБЛИЦИСТИКА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Важнейшим событием русской культурной жизни было издание первой официальной газеты «Ведомости», положившей начало русской периодической печати.

Указом от 15 декабря 1702 г. Петр 1 объявил об издании первой русской газеты. «Куранты» – ходячие вести, или «Вестовые письма», – рукописная газета, существовавшая до петровских «Ведомостей», носила характер информации за рубежом (о политической жизни Запада, о военных планах и дипломатических актах различных государств). Необходимость в рукописной газете стала ощущаться уже в начале 17 в., в период расширения дипломатических и торговых связей России с европейскими и восточными странами, когда постоянная информация о происходящих военных и политических событиях за рубежом стала нужна правительству. Материалы для рукописной газеты готовились чиновниками Посольского приказа, которые преимущественно отбирали и переводили материал из зарубежных газет, пользовались сообщениями лиц, проживающих за границей. Писались «Куранты» на длинных узких листах бумаги – «столбцах». «Куранты» предназначались для царя и узкого придворного круга. Долгое время старейший экземпляр рукописной газеты относили к 1621 г., однако последние данные историков свидетельствуют, что первый по времени отрывок из «Вестей» датируется 1542 г., более регулярно они составлялись с 1600 г.

К концу XVII в. Россия получала до 200 названий иностранных газет.

Переводы «вестей», «вестовых листов» или «тетрадей» делались с немецкого, английского, шведского, датского, итальянского, голландского, польского, греческого и других европейских языков. Переводчики Посольского приказа при подготовке материалов для включения в «Куранты» указывали обычно, с чего сделан перевод (с печатных листов или с вестового письма), с какого языка, кто и когда послал известие, указывалось время его получения.

Заглавие было пространным, в нем указывалось, откуда перевод, о чем он, о событиях в какой земле: «Перевод с вестовой немецкой тетради, что делалось в Устреи, и в Польше, и в Шлежи, и в Французской, и в Голландской, и в Английской, и в Итальянской, и в Угорской земле и в иных местах». Иногда указывалось и имя переводчика, и кому перевод передан: «Пересказ грамотки, присланной рижским переводчиком Я. Ренником шведскому приказчику Адольфу о событиях в Швеции, Франции, Шотландии, Ирландии и Литве» (август 1648 май 1649).

В «Вестях – Курантах» подробно комментируются зарубежные известия о военных событиях Тридцатилетней войны, сообщается о сражении армий Карла I Стюарта и парламентской армии в ходе английской буржуазной революции. В листе 30 от 31 января 1649 г. помещался материал под заглавием «Перевод шведского печатного листа с описанием казни английского короля Карла I Стюарта».

Описание казни изобилует множеством подробностей о поведении короля, его мольбе, обращенной к палачу, сделать так, чтобы мучения не были долгими. Об этом событии рассказано не без сочувствия к английскому королю. Интересно, что в 1649 г. купцы просили правительство запретить английскую торговлю в Москве и других городах, объясняя это решение тем, что англичане «государя своего Карлуса короля до смерти убили».

Довольно часто появлялись сообщения о народных выступлениях в разных странах. Так, «Куранты» в 1620 г. сообщали о событиях чешского восстания против Габсбургов, в других «вестях» приводятся известия о восстаниях народных масс в австрийских владениях, об отдельных событиях войны украинского народа под руководством Б. Хмельницкого против польских панов.

В «Курантах» помещались известия и о событиях культурной жизни в зарубежных странах: о театральных представлениях, о напечатании книг. Сообщались и торговые сведения. Таков «Перечень печатной росписи товаров на девяти голландских кораблях» (август 1650 г.). Здесь перечисляются товары, которые шли «из Восточной Индеи в Галанскую землю» (меха, перец, корица, краски, имбирь в сахаре, орехи и т.д.).

Для получения сведений о «европейских поведениях» переводчики, редакторы пользовались не только переводами иностранных газет, но и отписками воевод «порубежных» городов (Архангельск, Рига, Новгород, Псков, Астрахань), получали сведения от торговых людей и других лиц, возвращавшихся на родину. Доставляли информацию и корреспонденты, среди которых было много иноземцев. Так, голландец, торговый человек Юрий Клинк, в 1626 г. передал в Посольский приказ вестовые листы, в которых сообщалось, что «делалось в Цесаревой области и в Итальянской земле в нынешнем году» Шла информация из Рима, Венеции и других городов. Служивший в 1625-1628 гг. при дворе царя Михаила Федоровича Исаак Масса доставлял листы с подробными сведениями об отношениях между королем французским и королем английским. Масса готов был для государственных дел ехать во французскую, английскую, датскую или шведские земли.

В посольском приказе обычно быстро переводили зарубежные известия. Так, на обороте одной воеводской отписки значилось: «Листы вестовые велеть перевести тотчас». Придавалось большое значение расположению материала, который разделялся правщиком-редактором на смысловые отрезки, способствовавшие более легкому восприятию текста. Правительство считало информацию о зарубежных событиях делом чрезвычайной важности. В указе царя Алексея Михайловича воеводе Я .

Ондронову вестовые дела приравнивались к великим делам. Вести обычно читались вслух, о чем свидетельствуют пометы на тексте переводов: «государю чтено» или «государю чтено и боярам». Есть и такие пометы: «государю и святейшему патриарху чтено, вклеить в столп» (т.е. прочитанные тексты должны быть подклеены к предшествующим материалам).

Несмотря на то, что информационный уровень вестей невысок, появление их свидетельствовало о политических процессах, происходивших в стра-

не и служивших упрочению международных связей. Рукописные «Куранты» в определенной степени облегчили появление первой русской газеты «Ведомости».

В отличие от «Курантов» петровские «Ведомости» - первая газета, рассчитанная на широкие круги русских читателей, она предназначалась для продажи в мир. «Ведомости» носили преимущественно информационный характер, знакомя читателей с важными событиями внутри страны и за рубежом. Отдельные номера газеты выходили под названием «ведомости московские», «Российские ведомости» и др.

Газета с момента своего появления носила ярко выраженный агитационный характер. Она отразила насущные потребности эпохи крупных преобразований в России. В «Ведомостях» велась пропаганда новой науки, культуры, утверждалась необходимость и справедливость войн со Швецией и Турцией, сообщалось об обороноспособности страны, о превосходстве ее военной стратегии, о развитии экономики и т.д. С помощью газеты правительство впервые обратилось к общественному мнению, стремясь получить его поддержку, убедить читателя в необходимости проводимых мероприятий.

В первом дошедшем до нас печатном номере «Ведомостей» от 2 января 1703 г. (печатные номера от 17 и 27 декабря 1702 г. не сохранились и известны по рукописным копиям) сообщалось: «Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

«Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому Государю нашему слона и иных вещей немало».

Эти известия должны были вызвать чувство гордости за развитие просвещения и за рост международного авторитета России. Газета часто писала о богатстве недр русской земли, большое внимание уделялось военной информации, военным успехам, одержанным русскими войсками. О ходе Северной войны говорилось в реляциях, письмах, в сообщениях о военных действиях.

Среди сообщений о победах особенно интересна написанная Петром I корреспонденция о Полтавской битве, напечатанная 2 и 15 июля 1709 г. Автор пишет о беспримерной храбрости русских солдат, о силе духа, которые помогли одержать трудную победу над шведами и взять в плен «несколько тысяч офицеров и рядовых, фельдмаршалов и генералов шведских». Петр подробно пишет о расстановке сил, об этапах сражения. На страницах газеты пропагандировалась партизанская война против шведов. «Ведомости» писали о том, что олонекский поп Иван Окулов набрал с тысячу человек охотников и, перейдя шведскую границу, смело напал на шведов, побив 450 человек, а «из попова войска только ранено солдат два человека».

«Ведомости» - официальная правительственная газета, и посему о восстании Кондратия Булавина в ней писалось следующее: «Донской казак, вор

и богоотступник Кондрашка Булавин умыслил во украинских городех и в донских казаках учинить бунт» (20 июля 1708 г.)

Содержание «ведомостей» представляет большой исторический интерес, в них много фактических сведений, ясно выражен правительственный взгляд на политические события. Об интересе к ним читателей свидетельствуют статьи, переписанные из первой русской газеты, которые встречаются в рукописных сборниках XVII в. До 1715 г., когда газета издавалась в Москве, с 11 мая того же года газета стала выходить и в Петербурге, ее редактором был Федор Поликарпов, директор Печатного двора. С переводом газеты в Петербург в 1719 г. – директор Петербургской типографии Михаил Абрамов.

Основной жанр газеты – информация, однако в «Ведомостях» можно видеть истоки и других газетных жанров, таких как корреспонденция, репортаж (сообщения о празднествах, иллюминациях). Так, в день именин Петра (29 июня 1719 г.) сообщалось: «Сначала «молебство», потом «радость всенародная с громкою пушечною стрельбою, и трапеза пирование царское... с сладкогласным пением, трубами и мусикой...».

Большое место в «Ведомостях» занимала иностранная информация, что объяснялось усилением экономических и культурных связей с европейскими странами. В издании первой русской газеты деятельное участие принимал сам царь. Он редактировал отдельные номера газеты, руководил корректурой и подбором материала, привлекая к участию в газете своих ближайших сподвижников – Меншикова, Апраксина, Шафирова и других, чьи письма, репортажи, донесения появлялись на страницах «Ведомостей». Петр I следил за внешним оформлением газеты, требуя ясности, простоты стиля.

Печатные «Ведомости» продавались по 1-4 деньги (деньга – полкопейки), а иногда выдавалась народу безденежно.

Первыми «штатными работниками» русской печати были Борис Волков – переводчик Посольского приказа, который стал работать редактором в «Ведомостях» с 1719 г., и Яков Синявич, тоже переводчик, который указом Петра в 1720 г. был призван, работая в «Ведомостях», отвечать за расширение информации о внутренней жизни страны. Газета была небольшого формата (в восьмую долю листа), версталась из небольших заметок в одну колонку, без заголовков. Выходили «Ведомости» нерегулярно. В 1703 г. вышло 39 номеров, в 1705 г. – 46, в 1718 г. – всего один номер. Так же непостоянен был тираж газеты. Он колебался от 150 – 200 экземпляров до 1000, а номер от 22 марта 1703 г. вышел 4000-ным тиражом. Известие о Полтавской битве было отпечатано в количестве 2500 экземпляров и разошлось целиком. Вместе с тем не все номера получали распространение. С 1719 г. печатание «Ведомостей» было переведено в Петербург. Газета печаталась славянским шрифтом, а с 1710 г. – гражданским.

Выход первой русской газеты был фактом большого политического и общекультурного значения. В отличие от первых преимущественно частных газет, издававшихся за границей, петровские «Ведомости» носили общенациональный государственный характер. Газета, несмотря на информацион-

ный характер, с самого начала была агитатором и пропагандистом петровских преобразований, ее издание было рассчитано на формирование общественного мнения.

Петровская эпоха – эпоха ожесточенной борьбы старых, отживающих традиций с новыми, противоречивыми, но прогрессивными тенденциями развития – определила преимущественно публицистический характер литературы, пронизанной гражданским пафосом и патриотизмом, вызванным ростом национального самосознания и стремлением к национальному утверждению. Этот пафос Петровской эпохи нашел выражение в соответствующем панегирическом стиле, который охватил литературу, публицистику, искусство.

Развитие собственно публицистических произведений, в которых повествовательный элемент почти отсутствует и особое значение приобретает авторская индивидуальность, характерно для периодов острой внутриклассовой борьбы, борьбы враждебных группировок. Таковы эпоха Ивана Грозного, смутное время на Руси XVII в., такова борьба идей вокруг реформаторской деятельности Петра. Политическая тенденциозность литературы этого времени выступает в виде прямой оценки событий автором («Слова» Феофана Прокоповича, проповеди его антагониста Стефана Яворского).

Необходимость разъяснения значения реформ, огромного переворота, который совершился во всем укладе русской жизни, определила публицистический характер и официальных документов, и литературы того времени.

Интересна с этой точки зрения книга П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Первый... к начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел», изданная в 1717 г. Книгу эту редактировал Петр, и тираж ее – свыше 2000 экземпляров – был необычайно велик для того времени. Книга в патетическом духе рассказывала о достижениях в государственной деятельности Петра, содержала перечень «чудесных и славных дел» «во время еще не великое его государствования».

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (1681-1736)

Крупнейшим деятелем Петровской эпохи был талантливый писатель-публицист, искренний и последовательный защитник идей Петра, всех его гражданских и церковных преобразований ученый-монах Феофан Прокопович. Высокоодаренный и разносторонне образованный человек, он пишет ученые сочинения, проповеди, выступает как драматург и стихотворец. Библиотека его поражала обилием книг на разных языках и по разным отраслям знания. Одним из первых Феофан Прокопович стал вести научные наблюдения, пользуясь телескопом и микроскопом. Окончив Киево-Могилянскую академию, он совершенствует свое образование в Польше и Риме, занимаясь изучением, помимо богословских и гуманитарных наук, точных наук. Ученый-гуманист по возвращении на родину преподает пиитику и риторику в

Киево-Могилянской академии, резко отрицательно относясь к средневековой схоластике и мракобесию церковников.

Будучи страстным сторонником светского образования и знатоком античной и западноевропейской истории и культуры, ссылками на которую пестрят его сочинения, Феофан Прокопович очень выделялся из среды русского духовенства, по праву называя своих противников «неуками». Свободно мыслящий человек, просветитель, Феофан Прокопович горячо поддерживает начинания Петра, приветствуя его проповедью в 1706 г. в связи с приездом в Киев.

В 1709 г. Феофан Прокопович выступает с похвальным словом, посвященным Полтавской битве. Вызванный Петром в 1716 г. в Петербург, Феофан сделался правой рукой царя, особенно в делах церковных. Он стремился подчинить богословскую догму и церковную практику светским интересам. Главная идея, лежащая в основе проповедей Феофана Прокоповича, - идея абсолютной монархии – вытекала, по его убеждению, из опыта мировой истории. На примере Римской империи доказывает он гибельность многовластия и неизбежность и благо последствий единодержавной власти. Ссылками на Тита Ливия, Геродота, Овидия, Горация, Вергилия, на героев античной и древнерусской истории и литературы наполнены его произведения, логически доказывавшие необходимость и прогрессивность преобразований Петра. «Слова» - проповеди Феофана Прокоповича явились одним из самых сильных средств пропаганды петровских реформ. Уже названия «Слов» раскрывают пафос его произведений. Так, в «Слове о пользе путешествий» (1717) содержится доказательство необходимости заграничных путешествий с образовательной целью и резкое осмеяние тех, кто препятствовал отправке молодых людей в чужие края. Победа над шведами, подтвердившая необходимость создания в России могучего флота, вызвала появление «Похвального слова о флоте российском» (1720).

«Слова» Феофана, живо и ярко произносимые с церковной кафедры, были пронизаны пафосом утверждения петровских преобразований и пользовались огромным успехом. Многие его проповеди не только произносились в церкви, но и печатались. Лишь в незначительной мере носили они церковный характер (использование церковного жанра – проповеди). Написанные ясным слогом, без лишней риторики, ритмически построенные «Слова» отличались глубиной содержания и литературными достоинствами.

Политическая агитационность, присущая проповедям Феофана, была направлена на разъяснение мероприятий, проводимых Петром в защиту просвещения. В своих произведениях Феофан часто выступает как памфлетист и сатирик. В известной проповеди «Слово о власти и чести царской», произнесенной им в 1718 г., он резко обличает реакционных церковников, сгруппировавшихся вокруг царевича Алексея. Он изображает «злых и понурых» меланхоликов, которые больше любят пасмурный день, чем ведро, плохие новости, чем хорошие. Рисуя сатирический образ такого церковника, Ф. Прокопович сравнивает его с саранчой, у которого «чревище великое, а крыльца малые, и не по мере тела: взойдется полететь, да тотчас и на землю падает».

В сатирический памфлет вылился и написанный им «Духовный регламент, или устав Духовных коллегий» (1721), в котором содержалось официальное положение Церкви. Резкой критике подвергаются старые порядки, сатирически изображаются проповедники, надменные епископы, жадные попы, церковные невежды, которые видят в просвещении опасность распространения ересьей. Страстно, публицистически ярко и образно доказывает Феофан пользу и необходимость просвещения. Автор предстает перед нами истинным поборником и пропагандистом просвещения. Феофану приходилось выдерживать жесткую борьбу с церковниками, которые обвиняли его в неверии. Он действительно отвергал слепую веру в писания «отцов Церкви», считая для себя обязательной только веру в Библию.

Пафосом патриотизма, верой в будущее России наполнено знаменитое его «Слово на погребение Петра Великого» (1725). Пронизанная глубокой скорбью проповедь эта подводит итог блестящей деятельности Петра, и с потрясающей силой звучит в ней призыв Феофана Прокоповича продолжать в интересах России его дело. В образе Петра он воплотил черты «идеального монарха», при котором только и возможно упрочение и благоденствие государства.

В своем трактате «Правда воли монаршей» (1722) писатель утверждал неограниченную власть царя, подлежащего единому суду – суду перед Богом. «Не может народ судить дела государя своего», – писал Феофан, утверждая в то же время, что первая обязанность государя есть забота о подданных, представление об «идеальном монархе», составленное Феофаном на примере деятельности Петра, легло в основу созданного впоследствии классицистами образа просвещенного монарха, который всегда отождествлялся с личностью Петра.

Яркой публицистичностью и панегиризмом пронизаны и художественные произведения Феофана Прокоповича. Примером может служить написанная им еще в 1705 г. трагикомедия «Владимир».

После смерти Петра церковная реакция угрожала расправой наиболее верным сторонникам преобразований. Умный, энергичный Феофан создал кружок образованных ученых и литераторов («Ученая дружина»), готовых бороться во имя прогресса, во имя победы просвещения над невежеством. Членами этой «дружины» стали и молодой Кантемир, и видный ученый петровского времени Татищев. «Ученой дружине» удалось сорвать «затейку» церковников, стремившейся «кондициями» ограничить власть Анны Иоанновны. После этого положение Феофана упрочилось, он снова начинает играть важную роль в церковных делах, расправляясь с реакционным духовенством. Общекультурное и историческое значение Феофана Прокоповича весьма значительно. В его деятельности отразился переходный период от богословской схоластической образованности XVII в. к рационалистической культуре XVIII столетия.

Наряду с Феофаном Прокоповичем большое значение приобрела прогрессивная деятельность таких публицистов петровского времени, как Посошков и Татищев.

Иван Тихонович Посошков (1652-17260) – талантливый механик-изобретатель, в силу природного ума сумел стать крупным промышленником и одновременно пропагандистом петровских преобразований, доказывавшим в своих работах необходимость развития торговли и промышленности как основы благосостояния государства. Особый интерес в этом отношении представляет его трактат «Книга о скудности и о богатстве», в которой раскрывается картина современной ему социальной действительности, поднимаются проблемы политического и экономического характера.

Посошков всей своей деятельностью поддерживал начинания Петра и резко нападал на старые феодальные порядки, предлагая целый ряд реформ, касающихся всех сословий и имеющих, несомненно, прогрессивный характер. Он требовал развития школьного дела, ликвидации произвола в суде и администрации, убеждал в необходимости просвещения крестьян и облегчения их участи. Последнее могло быть достигнуто, по мысли автора, законодательными ограничениями крепостного права. Уже названия глав книги: «О духовенстве», «О воинских делах», «О правосудии», «О купечестве», «О крестьянстве» и др. – свидетельствуют о широте и важности затронутых вопросов. В 1725 г., после смерти Петра, Посошков был посажен в Петропавловскую крепость как «опасный человек», где и умер спустя несколько месяцев.

Просветителем, публицистом, доказывавшим во всех своих работах пользу наук для всех сословий, был и Василий Никитич Татищев (1686-1750). Аристократ по происхождению, Татищев учился в петровской артиллерийской и инженерной школе, он был первый ученый-историк, автор «Истории Российской», географ, оставивший много сочинений. Прогрессивно мыслящий человек, Татищев ратовал за просвещение крестьян, он рад «и крестьян иметь умных и ученых», что, впрочем, не мешало ему считать естественным права помещиков на крестьянский труд.

Татищев резко отрицательно оценивал роль духовенства, Церкви в истории русской культуры. Свои взгляды на науку, мораль, быт он изложил в таких сочинениях, как «Духовная» (завещание сыну), «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» и др. «Разговор изложен в форме диалога между сомневающимися в пользе наук и страстным защитником просвещения. Татищев впервые собрал большое число документов, летописей, которые легли в основу его «Истории Российской».

ЖУРНАЛИСТИКА 30-50 ГОДОВ XVIII В Е К А

Период, последовавший за смертью Петра (1725), характеризуется дальнейшим развитием самодержавно-крепостнической империи, укреплении сословных привилегий дворянства, которое приобрело исключительное право владения землей.

Попытки реакции вернуть допетровские порядки ни к чему не привели, и русская культура в 30-50-х годах XVIII в., несмотря на частые дворцовые перевороты, отрыв правящей верхушки от народа и рабское подражание всему западноевропейскому, делает дальнейшие шаги вперед по намеченному Петром пути.

Искусство этого времени, отражая успехи русской национальной государственности (елизаветинское время – время победоносных войн, «просвещенного абсолютизма»), носит черты монументальности, величественности, пышного великолепия.

В 30-50-х годах усиливается воздействие литературы на общественное мнение. Новые конкретно-исторические условия русской жизни определили формирование в этот период первого литературного направления – классицизма.

Русский классицизм был явлением сложным и неоднородным, это определялось различием идейных и литературно-художественных особенностей творчества писателей-классицистов.

Говоря о классицизме как о важном этапе развития русской литературы, следует иметь в виду, что в пору утверждения классицизма в России была решена историческая задача преобразования стихосложения, положено начало формированию русского литературного языка, научной разработке словарных и грамматических богатств русской речи. Классицизм создал новые литературные формы, которые соответствовали новому содержанию, новым гражданским и общественным идеалам.

Освоенные классицизмом формы способствовали дальнейшему развитию литературы, перед которой классицизм ставил задачу сочетания эстетического воздействия и воспитательной функции.

М.В. ЛОМОНОСОВ (1711-1765)

М.В. Ломоносов – ученый-энциклопедист, поэт, просветитель – оставил заметный след и в области журналистики. Заботясь о развитии русского просвещения, он понимал, какую большую роль в распространении и пропаганде научных знаний, в развитии русской культуры играет журналистика. Вскоре после смерти Петра, в июле 1727 г., первая русская газета «Ведомости» перестала существовать. Ей на смену пришло издание «Санкт-Петербургских ведомостей» при Академии наук – газеты, которая, как и «Ведомости», была правительственным органом, содержащим по-прежнему

инострannую информацию (известия из Берлина, Вены, Парижа и других европейских городов) и хронику русской, преимущественно официальной жизни. Первым редактором обновленной газеты был Г.Ф. Миллер, приехавший из Германии в Россию в 1725 г. Газета выходила регулярно 2 раза в неделю. Уже с 1728 по 1742 гг. при «Санкт-Петербургских ведомостях» выходят приложения «Исторические, генеалогические и географические примечания» объемом от 4 до 8 страниц в восьмую долю листа. Вскоре «Примечания» приобретают самостоятельный характер и становятся первым русским научно-популярным журналом. Отличаясь разнообразным содержанием (статьи на естественнонаучные темы, по искусству, литературе и др.), «Примечания» пользовались успехом и способствовали расширению кругозора читателя. Научный уровень «Примечаний» высок, их составляли часто крупнейшие ученые в своей области, такие как Л. Эйлер, Г. Рихман, Г. Крафт и др. В этом журнале в 1741 г. по возвращении из-за границы сотрудничает Ломоносов как переводчик и автор. Здесь были опубликованы три его оды.

Позже, в мае 1748 г. Ломоносову было поручено Академией редактирование «Санкт-Петербургских ведомостей» (Ломоносов осуществлял руководство постоянными сотрудниками, переводившими и подбиравшими материал из иностранных газет). Однако он как редактор был ограничен в своих возможностях, т.к. данная ему инструкция предписывала: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспрессий удерживаться».

Благодаря инициативе и энергии Ломоносова в январе 1755 г. стал издаваться при Академии наук первый крупный научно-литературный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издатели которого обязывались публиковать «сочинения, какие только обществу полезны могут быть». Журнал стал выходить 2000-м тиражом (12 раз в год). Однако уже с 1758 г. тираж уменьшился до 1200, т.к. прежний тираж не расходился, журнал был предназначен для широкого читателя. На виньетке, открывавшей каждый полугодовой номер, значился девиз: «Для всех».

Одним из требований, выдвигаемых к авторам статей, было требование ясности и доступности. Это был интереснейший научно-популярный журнал, в котором публиковались материалы официально-политического характера, статьи о разных отраслях науки, сочинения древних и современных писателей.

На страницах журнала велась пропаганда науки и борьба с невежеством, суевериями. В журнале предполагалось «исключить все из журнала статьи богословские и вообще все, касающееся до веры...» «Ежемесячные сочинения» заполнялись переводными материалами, научными и литературными (здесь были, в частности, напечатаны философские повести Вольтера «Задиг», «Микромегас»).

В журнале печатались многие крупные русские писатели и ученые: Тредиаковский, Сумароков, Елагин, Рычков. Ломоносов выступал мало на его страницах в силу разногласий с редактором журнала историком Миллером. Статьи на экономические темы поднимали вопросы о мануфактурах, ремеслах, купечестве. Большое место отводилось статьям по истории, с кото-

рыми особенно часто выступал Миллер. Одна из статей «Опыт новейшая истории о России», печатавшаяся в трех книжках журнала за 1762 г., вызвала резкую критику Ломоносова. Несмотря на использование первоисточников, тщательное изучение разнообразных материалов, работа Миллера имела все недостатки старых исторических трудов: обилие частных фактов, неумение найти генеральные линии в развитии событий, пренебрежение к философии, истории. Ломоносов писал о том, что Миллер «больше всего высматривает пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения». Он выступал против искажения Миллером русской истории, его пренебрежительно-высокомерного отношения к русскому народу.

Среди литературных работ, печатавшихся в журнале, следует назвать опубликованные в 1755 г. статью В. Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» и две статьи анонимные: «О качествах стихотворца рассуждение» и «Рассуждение о начале стихотворства». Статьи поднимали важные теоретические вопросы русского стихосложения и вместе с тем отражали литературную полемику того времени.

Особое место в истории журналистики принадлежит полемической статье М.В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии». Непосредственным поводом к написанию статьи послужила необходимость ответить немецкому рецензенту, подвергнувшему в 1752 г. в Лейпцигском журнале необоснованной критике разработанную Ломоносовым теорию теплоты («О причине теплоты и стужи»). В 1754 г. с критикой теории теплоты выступил и «Гамбургский корреспондент».

При Академии наук с 1727 г. выходил научный журнал на латинском языке «Комментарии», в котором публиковались полностью или частично научные работы. С выходом в 1750 г. «Новых комментариев» публикуемые работы часто получали оценку в зарубежных журналах. Иностранные рецензенты, весьма благосклонно относившиеся к работам, напечатанным в научных журналах Академии наук, постоянно подвергали критике научные труды Ломоносова, которые делали его первооткрывателем в ряде областей науки. Преднамеренность их оценок была очевидной.

Ломоносов взялся отвечать зарубежным оппонентам, в утверждениях которых он увидел беспринципность и недобросовестность, пагубную для выявления научных истин. Статья была написана по-латыни в 1754 г., а через год опубликована на французском языке в амстердамском журнале.

Подлинная рукопись Ломоносова, к сожалению, не сохранилась. Статья была переслана Ломоносовым известному немецкому ученому Эйлеру, высоко ценившему научные труды Ломоносова, который и передал ее для опубликования. Статья была напечатана (по желанию автора) без подписи. Ломоносов не ограничивается полемикой только по научным вопросам, он поднимает ряд принципиальных проблем, касающихся прав и обязанностей журналиста вообще.

«Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные во-

просы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти» 2.Требуемых качеств Ломоносов не находит у европейских журналистов. Журналист образованный, проницательный, справедливый и скромный стал своего рода фениксом. Ломоносов полемично и темпераментно доказывает невежество «рецензента» и неспособность его понять новую теорию. Недобросовестные приемы критики способствуют искажению мысли ученого, ему приписывают невежественные суждения.

В заключение статьи автор излагает свои знаменитые семь правил, которые следует «затвердить как Лейпцигскому журналисту, так и всем подобным ему».

Во-первых, Ломоносов считает, что журналист должен взвесить свои силы, способен ли он «уметь схватить новое и существенное в сочинениях, принадлежащих иногда людям самым гениальным».

Второе правило: «Чтобы быть в состоянии произвести приговор искренний и справедливый, надобно освободить свой ум от всякого предрассудка, от всякого предубеждения...»

Третье: журналист должен уметь аргументировать свои возражения, «он должен неоднократно взвесить то, что намерен сказать для того, чтоб быть в состоянии оправдать свои слова, если в том встретиться надобность».

Далее: «журналист не должен торопиться порицать гипотезы. Они позволительны в предметах философских, и это даже единственный путь, которым величайшие люди умели открыть истины самые важные».

«Особенно же пусть журналист запомнит, что всего бесчестнее для него красть у кого-либо из своих собратьев высказываемые мысли и суждения и присваивать их себе, как будто бы он сам придумал их!».

Ломоносов пишет, что одни сомнения и вопросы не дают журналисту права осуждать сочинение и он не должен считать, «что непонятное и необъяснимое для него, таково же и для автора...»

Последнее, седьмое правило говорит о том, что журналист «никогда не должен иметь слишком высокого мнения о своем превосходстве, о своем авторитете и о достоинстве своих суждений».

Из этих правил, изложенных Ломоносовым, вырисовывается нравственный облик истинного, серьезного журналиста.

О роли Ломоносова в истории русской литературы Белинский писал: «С Ломоносова начинается наша литература: он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим».

Огромное влияние Ломоносова на русскую литературу и культуру отмечали неоднократно Радищев и Пушкин, высоко ценившее сделанное им.

А.П. СУМАРОКОВ (1717-1777)

Александр Петрович Сумароков, самый последовательный из писателей-классицистов, наряду с практикой литературной деятельности сумел дать теоретическое обоснование классицизма как литературного направления, характерного для России середины века. В литературе он выступил как продолжатель и в то же время антагонист Ломоносова. Впоследствии Сумароков вспоминал о том времени, когда они с Ломоносовым были приятели и ежедневные собеседники «и друг от друга здравые принимали советы» («О стихосложении»). Затем началась литературно-теоретическая и личная вражда писателей.

А.П. Сумароков – выдающийся драматург и поэт своего времени, страстно преданный литературному делу, верящий во всемогущую силу слова, обращенного к разуму. Один из самых плодовитых и деятельных писателей XVIII в., он обратил свое литературное творчество к дворянскому сословию. И его классицизм носил узкодворянский сословный характер, в отличие от общегосударственного и общенационального характера классицизма Ломоносова. По справедливым словам Белинского, «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем». Вместе с тем его творчество было важной вехой в истории развития русского литературного процесса XVIII в.

Уже в годы учебы в Сухопутном шляхетном корпусе раскрылось поэтическое дарование Сумарокова, и сложились твердые представления о достоинстве дворянина, о необходимости общественного служения отечеству. В духе этих идеалов он мечтал воспитать дворянское общество, и средством для этого избрал литературу. Сумароков обращался к правительству от лица дворянской общественности, на которой он и сосредоточил главное внимание. Писатель становится идеологом нового дворянства, рожденного петровским временем. Дворянин должен служить для общества. И Сумароков, в свою очередь, защищает интересы дворян. Видя в существующем крепостническом строе явление вполне естественное и узаконенное, он вместе с тем выступал против излишней жестокости помещиков-крепостников, против превращения крепостного права в рабство. «Продавать людей, как скотину, не должно», – заявлял он в замечаниях на «Наказ» Екатерины II. И в то же время был убежден, что «свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит». Признавая естественное равенство людей, писатель считал, что именно воспитание и образование делают дворян «первыми членами общества», «сынами отечества». Дворянство, по мысли Сумарокова, занимая привилегированное положение в обществе, должно быть образованным, просвещенным, должно доказать свое право управлять «рабами отечества», т.е. крестьянами. В этом отношении программным стихотворением была его сатира «О благородстве».

Будучи монархистом, сторонником просвещенного абсолютизма, Сумароков резко выступал против монархов, которые, по его мнению, не вы-

полняют своих обязанностей перед подданными, забывая, что «рождены мы для вас. А вы для нас рождены». Об этом Сумароков не уставал напоминать в своих произведениях. Он то и дело становится в оппозицию к правительству.

В 1759 г. Сумароков начал издавать первый частный журнал в России под названием «Трудолюбивая пчела», наполненный очерками, эпиграммами, притчами. Издание частных журналов было важным событием в развитии русской журналистики. Издаваемые частными лицами, они, в отличие от официальных журналов носили часто оппозиционный по отношению к правительству характер. Сумароков намеревался издавать журнал «помесячно для услуги народной. «Трудолюбивая пчела» отличалась политической тенденциозностью, недаром разрешение на печатание журнала было получено не сразу, и цензура пристально следила за издателем «Трудолюбивой пчелы», что в результате и привело к прекращению издания.

Первый номер вышел в конце января 1759 г. тиражом 1200 экземпляров, последний – в декабре того же года. В журнале ощущалась оппозиционность правительству Елизаветы Петровны и поддержка находящейся в то время в опале Екатерины. Однако основным в сатирических очерках и фельетонах «Трудолюбивой пчелы», принадлежащих самому издателю, было обличение злоупотреблений, насилия, лихоимства и казнокрадства, процветающих в Российской империи. В журнале сотрудничали И.Дмитриевский, Г.Козицкий, А.Ржевский, В.Тредиаковский и другие авторы, но основная направленность журнала была связана с материалами Сумарокова, которые составляли большую часть в каждой книжке «Трудолюбивой пчелы». Если в первые полгода издания в журнале встречаются статьи по философии, филологии, истории (например: «О первоначалии и созидании Москвы», «О истреблении чужих слов из русского языка», «Об остроумном слове» и др.), то в дальнейшем в журнале усиливаются обличительные тенденции.

В своих литературно-критических статьях Сумароков полемизировал с Тредиаковским, Ломоносовым, заботясь о судьбах русской литературы. В полемике он исходил из своих представлений о средствах, с помощью которых можно было создать истинно национальную культуру. Писатель верит в силу слова, обращенную к разуму. Он отстаивает ясность мысли и простоту чувств, считая, что «великолепие», пышность, т.е. блестящий, торжественно-напряженный стиль поэзии Ломоносова, лишены естественности, строгой логичности.

Белинский отдавал должное писателю: «Сумароков был совсем неплохой поэт для своего времени, на которое поэтому он и не мог не иметь сильного влияния. Он знал хорошо французский и немецкий языки, был хорошо воспитан и образован в духе времени; и будь у него немного побольше вкуса, немного поменьше самолюбия да владей он русским языком хоть так хорошо, как владел им Ломоносов, - то при своем жизненном и общественном направлении он решительно затмил бы всех писателей своего времени...» (1).

Характерно, что, несмотря на полемику с Ломоносовым, Сумароков в статье «О стихосложении» писал: «Ломоносова и Поповского нет, а другие стихотворцы мне неизвестны».

К числу наиболее сатирически острых, злободневных очерков в «Трудолюбивой пчеле» можно отнести «Письмо о некоторой заразной болезни», в котором обличается взяточничество; письмо «О достоинстве», в котором автор вновь проводит свою мысль о том, что чины, богатство и знатность не составляют еще достоинства человека; очерк «О домостроительстве». В нем писатель негодуяще клеймит жестокость и бессердечие помещиков по отношению к крепостным. Подобный «домостроитель», «изверг природы», получивший богатство свое за счет непомерного труда крестьян, назван Сумароковым «доморазорителем». Здесь вновь повторяется мысль о естественном равенстве: «...каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят».

Будучи и здесь выразителем сословных интересов дворянства, Сумароков тем не менее пишет, что «можно и крестьянину такую же курицу есть, какую вельможа, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости». И хотя помещик – «голова», а крестьянин – «мизинец», «однако и мизинец ноги есть член тела». Эта статья – один из ярких примеров обличительной литературы XVIII в.

Неоднократно проводит Сумароков в своем журнале мысль, характерную и для его литературных произведений, о том, что богатство и знатность не суть достоинства человека.

В очерке «Сон. Щастливое общество» писатель в публицистической форме «сна» рисует утопическую страну, в которой социальное устройство не имеет ничего общего с окружающей его действительностью. В этой стране монарх – «великий человек» - воплощение всех добродетелей, он заботится прежде всего о пользе подданных и опирается в своем правлении на столь добродетельных «избранных помощников». В этом «щастливом обществе» законодательство основано на естественном праве. Раскрывающаяся утопическая картина жизни «щастливого общества», где все основано на разуме – «грамоте тамо все знают», - лишь подчеркивает несправедливость и беззаконие, царящие в современной писателю действительности. Недаром свой очерк Сумароков заканчивает словами: «Дай боже, чтобы сны, подобные сну сему, многим виделись, а особливо наперсникам фортуны».

Сатирические очерки Сумарокова, которые часто направлялись против придворной верхушки, острые эпиграммы и притчи писателя способствовали тому, что цензура пристально следила за издателем «Трудолюбивой пчелы», и журнал Сумарокову пришлось закрыть.

Журнал Сумарокова положил начало сатирическому направлению в отечественной журналистике XVIII в.

Историко-литературное значение творчество Сумарокова не следует преуменьшать. Творческая деятельность его была многообразна и прогрессивна. Он первым выдвинул положение об общественно-воспитательном значении театра и создал драматический репертуар, во многом подчиненный задачам общественно-политического характера. Сатира Сумарокова способствовала дальнейшему развитию сатирико-обличительной линии в русской литературе. С уважением писали о нем Н.И. Новиков, А.Н. Радищев. «Жиз-

ненное и общественное направление» творчества Сумарокова справедливо ценил В.Г. Белинский.

Как поэт-лирик Сумароков оказал влияние на поэзию Львова, Дмитриева, у него было много учеников-последователей; из его школы вышли почти все крупные представители классицизма второй половины века: Майков, Херасков, Княжнин и др.

Внес Сумароков немалую лепту и в разработку техники стиха и русского литературного языка, ибо живой разговорный язык различных слоев русского дворянства он знал превосходно.

ЖУРНАЛИСТИКА 60 - 80-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

В первой половине XVIII в. литературное движение и литературная борьба осуществлялись преимущественно силами небольшого числа дворянских писателей.

Во второй половине века литературный процесс значительно усложняется: появляются литературные группировки, школы, течения, увеличивается число журналов, среди которых большое место занимают собственно литературные журналы, появляются новые публицистические произведения, проникнутые антифеодальной направленностью, критикой «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, расширяется русское общественное сознание, изменяется социальный состав писателей и публицистов за счет выходцев из разночинной среды. Наряду с дворянскими писателями на рубеже 60-70-х гг. появляются имена писателей и публицистов: Ф.А. Эмина, М.Д. Чулкова, Д.С. Аничкова, С.Е. Десницкого и др. Н.И. Новиков в книге «Опыт исторического словаря о русских писателях» (1772) называет уже около 220 крупных и мелких литераторов своего времени.

Россия достигла в эту пору немалого успеха и в области упрочения национальной государственности, и в дальнейшем развитии культуры. Это время ознаменовано подъемом русского национального самосознания. Этому способствовали и блестящие военные успехи России.

Растет значение русской интеллигенции, овладевающей высотами мировой культуры, выделяются передовые круги дворянства и разночинцы. При Московском университете учреждается в 1771 г. «Вольное российское собрание» «для исправления и обогащения российского языка».

В этот период бурно развивается книгопечатание, чему способствует и указ 1783 г. о «вольных типографиях», которые могли заводить все желающие, не спрашивая специального разрешения. Появилось большое число частных типографий не только в столице, но и в провинции. За 25 лет (1776-1800 гг.) было издано в России почти втрое больше книг, чем за предыдущие 50 лет. Большой подъем переживает и русское искусство.

Однако с начала 60-х гг. происходит резкое обострение социальных противоречий в стране, вызванное развитием капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнической формации. Стремясь повысить производительность труда в условиях крепостнического строя, помещики усиливают эксплуатацию крестьян. Жестокость и произвол помещиков, крепостной труд, частые войны, тяжелым бременем ложившиеся на плечи крестьян, вызвали многочисленные восстания, которые вылились в крестьянскую войну 1773-1775 гг. под предводительством Пугачева, войну, явившуюся серьезной угрозой феодально-крепостнической монархии.

С начала 60-х годов крестьянский вопрос становится основным вопросом, вокруг которого идет борьба общественных мнений. Он решается и в публицистических выступлениях, и в художественной литературе. Развитие капиталистических отношений и обострение классовых противоречий обу-

словили формирование в России антикрепостнической идеологии, чему немало способствовали проникновение западноевропейских буржуазно-демократических идей. Эти идеи нашли выражение в деятельности таких выдающихся представителей русского просвещения, как Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, Д.С. Аничков, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и др.

Однако если в Западной Европе носительницей буржуазно-демократических идей выступала буржуазия, то в силу своеобразия русского исторического процесса русская буржуазия не играла самостоятельной роли и передовая философская мысль была характерна для передовой части разночинной интеллигенции. В России получает широкое распространение западноевропейская просветительская философия, направленная на уничтожение феодализма, ликвидацию деспотии правления и влияния Церкви.

1760-1780-е годы проходят под знаком развития идеологии русского Просвещения, социально-политическая сущность которого заключалась в критике екатерининского деспотизма, в защите интересов крепостного крестьянства, выразившейся у наиболее прогрессивных просветителей в борьбе против крепостного права. Деятели русского Просвещения разоблачали бюрократический произвол в государстве, невежественное и реакционное духовенство, требуя свободы мысли, свободы просвещения для всех сословий. Идеи Русского Просвещения, связанного с Просвещением общеевропейским, поднимаются в творчестве Радищева до осознания необходимости революционного изменения действительности, до отстаивания права народа на насилие отвечать насилием. В русской литературе этого периода резко усиливается оппозиционность к деспотическому правлению, усиливается сатирико-обличительная тенденция, которая пронизывает все жанры передовой литературы, связывая ее с реалиями русской жизни и бытом.

Все это способствовало преодолению условности и абстрактности классицизма и росту реалистических тенденций в литературе. Классовость позиции писателя проявляется теперь с большей определенностью. И эта определенность связана прежде всего с отношением писателей и публицистов к крестьянскому вопросу.

САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1769-1772 гг.

Во время восстания Пугачева возникли произведения литературного и публицистического характера, вышедшие из народной среды. Это рукописные повести («Повесть о господине и приказчике», отличающаяся сатирической остротой, «Сказание о деревне Киселихе» и др.). До нас дошло небольшое число этих произведений. Наиболее сильное впечатление составляет «Плач холопов», написанный между 1767-1769 гг., который явился откликом народа на Комиссию нового Уложения и указы Екатерины. Социально острый по своему содержанию, «Плач», автором которого был, очевидно, крепостной поэт, написан рифмованным стихом. И стих, и народная лексика, простота речи – все говорило о близости этого произведения к фольклору. «Плач» раскрывает перед читателем ужасающую картину произвола господ и

бесправного положения народа в самодержавно-крепостническом государстве. Это произведение, вышедшее из народной среды, полно не только скорби и отчаяния, вызванного сознанием безысходности положения, но и гнева против угнетателей, против рабства.

«Плач холопов» обладал большой эмоциональной силой воздействия, особенно накануне пугачевского восстания. Во многом он перекликается с яркими документами народной публицистики – пугачевскими манифестами, указами, воззваниями. Воззвание Пугачева к яицким казакам А.С.Пушкин назвал «удивительным образцом народного красноречия, хотя и безграмотного». Эта народная публицистика отразила классовую борьбу крестьян с помещиками и носила ярко выраженный агитационный характер. Манифесты, воззвания, обращенные к народу, простым и образным языком разъясняли причины восстания, призывали к борьбе с дворянами-насильниками. Эти произведения народной публицистики, написанные в большинстве случаев «полковниками» Пугачева, явились предтечей публицистики 60-70-х годов XIX в.

Рост оппозиционных настроений, усилившееся воздействие литературы на формирование общественного сознания вынудили Екатерину прибегнуть к возможности оказать влияние на общественное мнение. С начала 1769 г. она начинает издавать сатирический журнал под названием «Всякая всячина».

«Всякая всячина» обильно черпала материал из английского сатирическо-юмористического журнала Аддисона и Стиля «Зритель». Формально издателем журнала считался секретарь Екатерины Г.В.Козицкий, но фактически руководство журналом осуществлялось самой императрицей, и это не было секретом в литературных кругах.

В первом номере «Всякой всячины», который раздавался бесплатно, было написано: «Сим листом бью челом; а следующий впредь изволь покупать». Здесь же помещалось обращение «Ко читателю». Екатерина поощряла других литераторов к изданию подобных «сатирических» журналов, причем желающие издавать подобные журналы могли не открывать своих имен.

Так как «Всякая всячина» была объявлена журналом сатирическим, то Екатерина поспешила объяснить, что имеет она в виду под сатирой и «какой она должна быть».

«Всякая всячина» не признавала критики социальных недостатков действительности, она порицала, и то в «улыбательном духе», явления, нежелательные для правительства, или такие пороки, как скупость, мотовство и щегольство дворянства, суеверия, неумение держать себя в обществе ит.д. Она показывала пример благонамеренной журналистики, предлагая «не целить на особ, а единственно на пороки», Т.е. на общечеловеческие недостатки. «Всякая всячина» выступила со своей программой, которой должны были следовать издатели журналов:

- «1) Никогда не называть слабости пороком.
- 2) Хранить во всех случаях человеколюбие.
- 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того

4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения».

Далее предписывалось «никому не думать, что он один весь свет может исправить» («Всякая всячина», 1769, 1 мая) (1).

«Всякая всячина» стремилась затушевать реальные пороки русской действительности, превознося вместе с тем правление и законодательные мероприятия императрицы. Журналистам надобно толковать о достоинствах правительства, а не писать о недостатках русской жизни. «Всякая всячина» писала, что манифестом от 18 июля 1762 г. взяточничество в России осуждено и те, кто продолжает жаловаться на судей, повинны сами, т.к. они сами искушают судей взятками, от которых те по слабости человеческой не могут отказаться, что и приводит подчас к неправым решениям. «Любезные сограждане! – взывает «Всякая всячина». – Перестанем быть злыми, не будем иметь причины жаловаться на правосудие». Зато с серьезным видом ополчается на такой возмутительный «порок»: «Многие молодые девушки Чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего».

«Улыбательный» тон сатиры сменяется на весьма резкий в тех случаях, когда обличается свободомыслие. В 22-м номере была помещена сказка, которая в аллегорической форме рассказывала о том, как «мужику» было решено сшить новый кафтан, созвали портных, но дерзкие мальчишки, которых позвали на помощь (имелись в виду неугодные императрице депутаты, выступившие в Комиссии в защиту крестьянства), помешали портным сшить кафтан по размеру (т.е. дать народу соответствующее законодательство). «Сии мальчишки умели грамоте но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь». И тогда «добрый человек», предложивший сшить мужику кафтан, порешил, что мужику лучше «нагишом ходить», уверенный, что мужик «оттерпится».

Большинство материалов в журнале принадлежало Екатерине, хотя помимо нее в нем принимали участие и другие авторы: Козицкий, Сумароков, Елагин и др.

Призыв «Всякой всячины» не остался неслышанным. Один за другим стали появляться в 1769 г. журналы: «И то, и сию» М.Д. Чулкова, «Ни то, ни сию в прозе и стихах» В.Г. Рубана, «Поденщина» В.В. Тузова, «смесь» - издатель этого журнала точно не установлен, «Трутень» Н.И. Новикова, «Адская почта» Ф.А. Эмина. «Бабушка» русских журналов, как называла себя «Всякая всячина», вскоре разочаровалась в своих «внучатах», которые не хотели идти по тропе, проложенной ею. Различные по степени своей социальности, по объему и периодичности, журналы сыграли положительную роль в развитии русской общественной мысли. Наиболее сатирически острыми из них были «Трутень», «Адская почта», «Смесь».

Литературная форма сатирического журнала была открыта в западноевропейской литературе начала XVIII в. Образцом для русских сатирических журналов являлись английские нравоучительно-юмористические издания Стиля и Аддисона. Используя опыт европейских предшественников и первого русского сатирического журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела»,

русские сатирики Ф. Эмин и особенно Н. Новиков создали новый тип сатирического журнала, в котором на смену юмористически занимательному сюжету пришла сатира, насыщенная острым, социально-злободневным содержанием. 1769 г. оказался первым «детородным» годом в истории русской журналистики.

Однако вышедшие в 1769 г. журналы просуществовали недолго. Так, журнал «Поденщина» – всего около пяти недель (выпускался он ежедневно, объемом в 4 странички). Остальные, кроме «Трутня» и «Всякой всячины», прекратили свое существование в том же 1769 г. Лучшие сатирические журналы быстро разгадали, что издание Екатериной литературного журнала еще один тактический ход в политике. Ф. Эмин сравнивал политику императрицы с заигрыванием легкомысленной девицы, которая «всем понравиться хочет». «Адская почта» писала: «Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видимым сделается» («Адская почта», 1769, с. 77). Этот журнал был ежемесячным изданием одного автора, писателя-разночинца Ф.А. Эмина, который построил журнал в форме переписки двух бесов – Кривого и Хромого. В конце каждой книжки журнала (было выпущено шесть книжек с июля по декабрь 1769 г.) помещались «Ведомости из ада». И «Адская почта», и в еще большей степени журнал «Смесь» публиковали материалы, в которых содержалась сатира на лица. В переписке бесов современники улавливали намеки на конкретные события и конкретных лиц русской жизни. Выбор фантастической формы издания придавал ему занимательность, делая более доступным для демократического читателя. Ведь даже бесы, духи зла, обличая пороки современного общества, возмущаются испорченностью людей. Бытовая сценка, бытовой эпизод занимают немалое место в журнале, снижая подчас его сатирическую остроту. Тем не менее, и в «Адской почте», и в «Смеси» издатели поднимали те вопросы, которые стремилась погасить Екатерина.

В 11-м листе «Смеси» содержался резкий выпад против «Всякой всячины». В письме к издателю спрашивалось, на каком основании включает она всех писателей журналов в свое племя. Печатались здесь и остросоциальные статьи. Такой явилась «Речь о существе простого народа». Автор рассуждает по поводу распространенного среди дворян мнения, будто «нет разума в простом народе». «Имеет ли он добродетели? И того не знаю. Затем, что стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же как и кляче, на которой он пашет...» («Смесь», 1769, лист 25).

«Адская почта» и «Смесь» сразу стали на сторону издателя самого остросатирического журнала «Трутень», которой с первого номера вступил в полемику с псевдосатирической «Всякой всячиной».

Вскрывая смысл деятельности Екатерины во «Всякой всячине», журнал «И то, и сию» М. Чулкова остроумно писал: «Ты исправила грубые наши нравы и доказала нам, что надобно обедать тогда, когда есть захочется. Твоя философия научила нас тому, что ежели кто не имеет лошади, тот непременно пешком ходить должен».

Н.И. НОВИКОВ (1744-1818)

Общественно-политическая журналистская деятельность Н.И. Новикова – удивительное явление в истории русской литературы и журналистики. Значение его сатирических журналов не исчерпывается острой политической и социальной борьбой с Екатериной. Новиков как писатель с редкой смелостью нападает на помещиков-крепостников, защищая угнетенное крестьянство.

Николай Иванович Новиков происходил из дворянской семьи и вместе с Фонвизиним обучался в дворянской гимназии при Московском университете, поступив в нее в 1755 г. Однако в 1760 г. он был исключен из гимназии за самовольную отлучку. С 1762 г. Новиков служил в Измайловском полку. Глубокое влияние на формирование просветительских взглядов Новикова оказала работа в Комиссии по составлению нового Уложения (1767-1768), когда перед ним открылась беспросветная нужда и несправедливость крестьян, жестокость, произвол помещиков. Вся многогранная деятельность Новикова, продолжавшаяся в условиях непрерывных царских гонений, была направлена патриотизмом, заботой о воспитании и образовании молодых граждан России и желанием отдать все силы Родине.

В.Г. Белинский в 1834 г. писал: «Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дожидаться нам грешным. Кому не известно, хотя понаслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общественной пользе» (1).

Теперь о Новикове написано много монографий и статей, в которых рассмотрены разные стороны деятельности этого замечательного писателя-просветителя, издателя и книгопродавца.

Журнал Новикова «Трутенъ» появился 1 мая 1769 г. и сразу между ним и «Всякой всячиной» разгорелась ожесточенная полемика. Название новиковского журнала и эпиграф на титульном листе: «Они работают, а вы их труд ядите», взятый из притчи Сумарокова «Жуки и пчелы», раскрывали основную идейную направленность «Трутеня» (2). «Трутни» – помещики-тунеядцы, которые бессовестно грабят работающих на них крепостных крестьян. Проповедь на страницах «Всякой всячины» «человеколюбия» и «снисхождения» к людским порокам, поскольку людей без недостатков не бывает, призывы обличать порок вообще, а не его конкретных носителей вызвали резкую критику издателя «Трутеня». Началась полемика по поводу сущности сатиры. Новиков был убежден, что только та сатира, которая написана «на лицо», может быть действенной. В предисловии к 1 листу «Трутеня» издатель говорит о своем основном намерении – исправлять нравы, видя возможность этого в издании трудов, особенно сатирических, критических и прочих, ко исправлению нравов служащих».

В беседе с читателем, в предисловии, Новиков в шутилом тоне, в котором звучат сатирические ноты, говорит о себе как о ленивом лукавце, неспособном к службе, и рисует картину всех видов государственной деятельности: «Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество... Приказная хлопотлива... Придворная всех покойнее, да надлежит знать науку притворства...» (3)

Полемика «Трутня» со «Всеякой всеячиной» носила политический характер. За подписью Правдолюбова Новиков в 5 листе «Трутня» от 26 мая высмеивает «человеколюбие», проповедуемое «Всеякой всеячиной»: «Они говорят, что слабости человеком обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным снисходит или... потакает...».

«На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные... — писала разгневанная «Всеякая всеячина». — Думать надобно, что ему бы (имеется в виду господин Правдолюб) хотелось за все да про все кнутом сечь».

Новиков не замедлил ответить. Его ответ тем более резок и смел, что для литератора было ясно, кто автор статей, напечатанных во «Всеякой всеячине». Делая вид, что он не знает, с кем дело имеет, Новиков в 8 листе «Трутня» от 16 июня пишет: «Госпожа Всеякая всеячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластиею свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична...». Автор намекает здесь и на плохое знание императрицей русского языка. В ряде сатирических статей он показывает подлинное лицо «просвещенного монарха». Так в письмах Правдолюбова и Чистосердова (в 8 листке), в заметках издателя новиков раскрывает сущность политической игры Екатерины, объясняя читателю реакционность позиции официального журнала, который распространяет вздорную и политически несостоятельную легенду о «просвещенном» характере самодержавного правления.

Екатерина — пожилая дама «нерусского происхождения», плохо знающая по-русски, «похвалами избалованная», болтающая о «человеколюбии», но в то же время действующая так, что всем видны «кнуты да виселицы» — средства, «самовластиею свойственные». Писатель упрекает Екатерину в том, что она хочет показать себя единственным наставником молодых людей, но как ни старается «неограниченный самолюбец» переодеться в тогу наставника и мудрого государя, он «из-под сего смиренного покрыва кусает всех...».

Тематика сатиры «Трутня» не ограничивается борьбой с «коронованным сотрудином» «Всеякой всеячины». Журнал Новикова резко ополчается на лихоимство, ханжество, невежество, внешнюю европеизацию дворянства, ложно понимаемое воспитание и образование молодого дворянства, рассматривая эти проблемы как проблемы социальные. В «Трутне» появилось известие о «молодом российском поросенке, который ездил по чужим землям для

просвещения своего разума и... возвратился уже совершенно свиньей...» (лист 6, 1769).

Вот сатирический портрет воеводы, который отъезжает в порученное ему место и за ненадобностью продает свою совесть, «желающие окупить могут его сыскать в здешнем городе» – город не назван, следовательно, перед нами типическая картина.

В «Трутне» проходит галерея щеголей и щеголих: Нарциссы, Несмыслы, Высокопары, зараженные всем иностранным, презирующие свою страну, свой язык. И Новиков видит причину этого явления в дурном, ложном воспитании.

Но основная тема «Трутня» – тема взаимоотношений помещиков и крепостного крестьянства. Новиков создает ряд сатирически острых, социальных портретов жестокосердных, невежественных крепостников. Таковы Змеян, Злорад, Недоум, Себялюб, Безрассуд и др., страдающие тщеславием, алчностью, корыстолюбием. И другими пороками. Их имена говорят сами за себя.

Вельможа Недоум так кичится своей породой, что не признает дворян, чья родословная моложе 500 лет, и желает, «чтоб простой народ был вовсе истреблен». Змеян «кричит и увещевает, чтоб всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям... - чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании» (лист 6). Злорад убежден, что «Рабам жестокость и наказание так, как и дневная пища, необходимо нужны».

Негодование вызывает помещик-крепостник Безрассуд, который «болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы...». Крестьяне работают день и ночь, но едва-едва имеют дневное пропитание. С гневом восклицает Новиков: «Безрассудной! Разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели гнушаешься самым собою во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком?».

Сняв личину с «благородного» сословия, Новиков, воспитанный на принципах просветительства, еще верит в силу слова, его всемогущество, в то, что страстное, убеждающее слово может пробудить «уснувшую» совесть. Считая состояние Безрассуда болезнью, которая порождена ненормальными с точки зрения автора социальными порядками, Новиков предлагает «рецепт» для избавления от нее: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином» (лист 24).

Видя все зло в крепостном праве, писатель еще не поднимается до отрицания самого института крепостничества. Обличая злоупотребление помещиками своей властью, он надеется на «побуждение людей к исправлению» и в этом видит исполнение «должности истинного гражданина».

Публикацией писем к издателю, сатирических заметок, рецептов, сатирических объявлений, литературных произведений и т.д. издатель «Трутня»

говорил, что крепостничество пагубно, аморально, В этом журнале перед нами проходит два мира: забитые, измученные Филатки и «дворяне-тунеядцы».

Одним из наиболее социально острых выступлений Новикова явились «Копии с отписок» старосты помещику Григорию Сидоровичу, бедняка Филатки и ответы – «указы» помещика крестьянам («Челобитная старосты Андрюшки», «Челобитная Филатки», и «Копия с помещичьего указа»). избрав форму документов, форму писем, Новиков с большой правдивостью и безыскусственностью передает ужасающую картину бедственного положения крестьян, их экономического бесправия, нищеты и безысходности. В своей статье «Русская сатира в век Екатерины» Добролюбов писал об этой переписке: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?».

Староста Андрюшка пишет барину, который держит в кулаке своих крестьян, снимая с них по три шкуры, что хоть оброк и собран, да недоимки велики. Это письмо было опубликовано в 26 листке «Трутня», а в 30 Новиков помещает письмо самого Филатки и копию с помещичьего указа.

В этом письме впервые в нашей литературе была показана правдивая и страшная картина крестьянской жизни. Филатка жалуется барину, что на сходе он высечен, «и клетки мои проданы за бесценок, также и корова», остался он «с четырьмя робятишками мал мала меньше» и «пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством». И бедный, измученный Филатка молит своего господина: «Помилуй, государь наш, Григорий Сидорович, кому нам плакаться, как не тебе?... наше дело крестьянское, у каво нам просить милости, как не у тебя... Неужто у твоей милости каменное сердце, что над моим сиротством не сжалишься?» (лист 30). Сжалился над Филаткой крестьянский мир, а Григорий Сидорович, который знает только, как брать с крестьян, не видя в них людей, явился типическим олицетворением помещика «с каменным сердцем», который в своем «указе» только и требует: неплательщиков «сечь нещадно», с крестьян «взыскать», наложить штраф и т.д. В барском «указе», пишет Добролюбов, «чрезвычайно ярко выражаются бесчеловечность и невежество помещика. Никакие человеческие чувства его не трогают, никакие страдания не возбуждают жалости».

Жизненная правда, обыденность и будничность, с которой эти документы были написаны, таили в себе огромную силу обличения крепостничества. Ведь помещики – «отцы», «благодетели», какими они себя изображали по отношению к своим подданным, сплошь и рядом оказывались такими Григориями Сидоровичами, жестоко обиравшими крестьян, взымавшими с них за малейшую провинность штраф даже за то, что в челобитных они позволили себе назвать помещика отцом, а не господином. С горькой иронией приводит автор слова из письма старосты помещику: «С Антошки, за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять Рублев. И он на сходе высечен, Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напередки он тебя, государя, отцом называть не будет». «Копии с отписок» - наиболее художественно значимое произведение, напечатанное в «Трутне».

Продолжая и углубляя сатирическую линию, начатую Кантемиром и Сумароковым, которые нападали на дворян злонравных, невежественных и галломанствующих, Новиков не противопоставляет подобным дворян, «научкой подкрепленных» (Кантемир), а усматривает подлинный общественный идеал в среде «среднего рода людей», «которые обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются», отстаивает их права, подчеркивая заслуги «среднего рода людей» перед отечеством.

Уже в 4 листе «Трутня» в разделе «Ведомостей» было напечатано сообщение под заглавием «Из некоторого приказа». В нем шла речь о свободной должности судьи, приносящей две тысячи дохода в год, на которую требуется «человек разумный, ученый и прилежный, ибо от него блаженство и жизнь великого числа людей зависит». Из трех кандидатов, первый из которых дворянин «без разума, без науки, без добродетели и воспитания», «достоинство» его лишь в том, что он «дворянин и родня его многим знатным боярам», второй – тоже дворянин, хотя и «к важным должностям не вовсе годится», но человек «порядочный». Новиков явно отдает предпочтение третьему кандидату, который «по наречению некоторых глупых дворян есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан». Новиков создает образ «мужа совершенного», он – «защитник истины, помощатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества, верный друг, благоразумный отец, безмятежный сосед, рассматрительный и беспристрастный судья... словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей». Таков идеал, начертанный издателем «Трутня», и рожден он не в дворянской среде.

«Всякая всячина», непрестанно следившая за сатирой «Трутня» и пытавшаяся угрозами воздействовать на издателя его, напоминая, что автор «не в свои сядится сани», когда пишет сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей, именитых, не могла выдержать сатиры, прозвучавшей в «Отписках». «Трутень» был закрыт на месяц.

В 1770 г. «Всякая всячина» под названием «Барышек Всякой всячины», т.е. остаток, выпустила еще 18 номеров, с января по апрель, но интерес к журналу неуклонно падал, падал и тираж. Если в первый раз журнал вышел тиражом в количестве 1692 экземпляров, а затем – 1500, то в дальнейшем тираж снизился до 1000 экземпляров. Последние шесть номеров вышли тиражом 600 экземпляров.

Перешел на 1779-й год и «Трутень» Новикова (17 номеров), но это возобновление после месячного перерыва потребовало от издателя отказа от острой и обличительной критики. Новикову приходилось быть очень осторожным. Возобновленный «Трутень» вышел с многозначительным эпиграфом «Опасно наставленье строго, / Где зверства и безумства много». Исчез со страниц журнала Правдолюбов со смелой и острой сатирой. От этого «Трутень» проигрывал в глазах читателя, это прекрасно понимал и сам Новиков. Он напечатал ряд писем читателей, выражавших недовольство новым

«Трутнем»: «Господин Трутень! Кой чорт! что тебе сделалось? Ты совсем стал не тот, разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелось послушать, как станем бранить?» (лист 15).

Тираж журнала, который раньше неизменно возрастал (с 626 экземпляров тираж поднялся до 1240 с 13 листа), теперь упал до 750 экземпляров.

Вскоре «Трутень» прекратил свое существование: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь». Обстоятельства, на которые намекал Новиков, крылись в правительственной цензуре.

Очень скоро, в июне 1770 г., Новиков попытался через подставное лицо издавать новый журнал – «Пустомеля», но и он был закрыт на втором номере, в котором Новиков напечатал перевод с китайского «Завещание Юндже-на, китайского хана, к его сыну» и стихотворение Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». В первом говорилось об обязанностях государя и его приближенных. Китайский император, избрав наследником престола сына, указывает, что он установил твердое законодательство, опираясь на своих вельмож. В этой статье можно было найти намек на современность, в частности желание аристократической оппозиции ограничить единовластное правление Екатерины дворянским советом, на который она должна опираться в выработке законов. Фонвизинское «Послание...» носило остросатирический, антиклерикальный характер и также не могло понравиться императрице. Характерно, что и «Трутне» (где Новиков продолжал традиции Сумарокова и часто с похвалой отзывался о его многообразном творчестве), и в «Пустомеле» печатались статьи на литературные темы. «Трутень» защищал Тредиаковского от нападок «Всякой всячины», Сумарокова от его «хулителей» и резко нападал на «карманного стихотворца» Екатерины – официозного поэта В.Петрова.

Третий сатирический журнал «Живописец» Новиков начал издавать в апреле 1772 г., когда, воспользовавшись поставленной на сцене комедией Екатерины «О время!», сделал удачный тактический шаг, истолковав появление этого произведения как возможность продолжать свою сатирическую линию. Он ставит свой журнал под защиту «неизвестного сочинителя комедии, расточая по его адресу похвалы, и тут же развертывает свою программу социальной сатиры. Хотя в комедии «О время!» в лице Чудихиной, Ханжахиной и Вестниковой осмеиваются суеверие, сплетни, невежество, скупость и сатира эта – все та же «улыбательная» сатира «Всякой всячины», Новиков говорит о сатирической смелости автора, открывшего издателю «дорогу, которой я всегда страшился», приглашает его сотрудничать в журнале и писать в том же духе. «Истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица, порочный человек во всяком звании равного достоин презрения» – такова программа издателя нового журнала. По-прежнему «сатира на лицо» и обличение отрицательных явлений действительности, ибо «порок» Новиков понимал как социальное зло. Продолжая линию «Трутеня», Новиков помещает ряд сатирических портретов, изображая хулителей наук, «благородных невежд», зараженных «чужебесием». Сатирические портреты содержат в себе более тонкую психологическую и социальную характеристику. Авторское

описание перемежается с откровенными высказываниями персонажей, наделенных речевой характеристикой, что способствует созданию жизненных, во многом типизированных характеров. Перед нами проходят Наркис, Волокита, Худовоспитанник, Кривосуд, Щеголиха. Последняя говорит: «...как глупы те люди, которые в науках прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины, а наши сестры ученые – о! они-то совершенные дуры. Беспременно, как они смешны!». («Живописец», 1772, лист 6). В жанр словесного портрета Новиков внес социальное содержание.

В «Живописце» печатается «Опыт модного словаря щегольского наречия». Жанр сатирического словаря не был новым для русской журналистики. Его использовали Сумароков в «Трудолюбивой пчеле» и современные Новикову издатели (два словаря в журнале Чулкова «И то, и сию»).

Однако отличительной чертой словаря Новикова является то, что, пользуясь лексикой и фразеологией щегольского наречия, автор воспроизводит социально-психологические характеристики светской аристократии. Он раскрывает психологию, обычаи, нравственный облик «благородных невежд». Их характеризует отчужденность от национальной культуры, презрение к родному языку, душевная никчемность, нравственная распущенность. Новиков нападает на распущенность нравов столичной знати, раскрывая это в кратких словесных портретах. «Опыт...», в котором языковая смесь французского с нижегородским раскрывает убожество модной «культурности» дворянства, явился для Новикова средством борьбы с засорением русского языка.

Большое место в журналах занимает форма писем в редакцию, переписки между частными лицами («Письма дяди к племяннику», «Письма к Фалалею»). Эта форма сатиры – одна из наиболее распространенных в сатирических журналах в 1769-1774 гг., ибо письма читателей создавали впечатление «правдоподобности». На страницах «Живописца» вновь с еще большей художественной силой и убедительностью разворачивается крестьянская тема. Критика крепостнического дворянства, произвол помещиков и тяжелое положение крестьянства являются основным идейным стержнем таких произведений, как «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», «Письма Фалалею».

«Отрывок путешествия...» был напечатан в 5 листе «Живописца». Авторство его вызывает у исследователей ряд предположений: одна группа исследователей (П.Н. Берков, Г.А. Гуковский, В.А. Десницкий и др.) считают автором «Отрывка» А.Н. Радищева. Впервые мнение об авторстве отца высказал сын Радищева Павел Александрович в 1858 г. «Отрывок» очень близок и идейно-тематически, и стилистически написанному спустя 18 лет «Путешествию из Петербурга в Москву». Вторая группа исследователей (Д.Д. Благой, Г.П. Макогоненко и др.) расшифровывает инициалы И***Т*** как «Издатель «Трутня» и считает автором «Отрывка» Новикова.

Авторство «Отрывка» – вопрос не решенный и по сей день, ибо прямых документальных данных, говорящих о принадлежности «Отрывка» тому или иному автору не имеется.

Повествование ведется от лица путешественника, который на протяжении трех дней «останавливался во всяком почти селе и деревне» и нигде не нашел ничего «похвалы достойного». Если вспомнить, как Екатерина хвасталась, что «Россия цветуща и сильна», а крестьяне русские самые зажиточные, и заказывала художникам (в частности, Миттлейтеру, картина которого находится в Русском музее) «представить русских деревенских жителей обоих полов за обеденным столом, где бы видно было по их состоянию всякое изобилие», то представленная картина истинного положения крестьян в «Живописце» не могла понравиться императрице.

Между тем Новиков притворно ставит свой журнал под прикрытия либеральствующего правительства, подчеркивая все время, что своими обличениями он исполняет предначертания «верховой власти». В послесловии к «Отрывку» автор объясняет, почему он смело публикует свое произведение: «...ныне премудрость, сидящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих». На всем протяжении издания «Живописца» Новикову не раз приходилось из тактических соображений расточать похвалы Екатерине.

В «Отрывке» автор рисует картину одной из многих деревень, «деревни Разоренной», само название которой достаточно выразительно. Взору путешественника представляется селение из двух десятков «бедных развалившихся хижин», покрытых «сплошь соломою», расположенное «на самом низком и болотном месте». «Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека». Так просто и безыскусственно повествует путешественник о том, что поразило его. «Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян» - таков итог увиденного путешественником.

Остановившись около избы, которая, по словам извозчика, была более зажиточной, путешественник зашел в нее. Его поразили «заразительный дух от всякой нечистоты», «жужжание бесчисленного множества мух». Он увидел оставленных без присмотра грудных детей, которым надо было оказать немедленную помощь, чтобы они не задохнулись.

Показав нищенское, бесправное положение крестьян, автор «Отрывка» считает виновными помещиков: «Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною».

Рассыпанные в «отрывке» детали крестьянского быта, реальное изображение русской деревни, разговор крестьян с путешественником – все было обличением страшной бедности и рабства, в котором находилась крепостная деревня.

Тяжесть впечатления и глубина негодования вызваны и образами несчастных, забитых и запуганных помещиком голодных ребятишек, которые при виде коляски и барина в красном кафтане разбежались кто куда, приняв

путешественника за своего барина, «жестокосердного тирана». Это произведение явилось одним из самых сильных обличений крепостничества в русской литературе XVIII в.

В статье Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины», в которой автор указывает на ограниченность сатиры того времени, ибо она не была направлена на критику института крепостничества, а лишь на отдельные язвы русской действительной жизни, дается высокая оценка сатире Новикова. По мнению Добролюбова, в этом произведении автор ушел «гораздо далее всех обличителей того времени», здесь «слышится уже явная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе» и «бросает сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений» (1).

«Отрывок путешествия» был помещен в 5 листе, а затем его продолжение – в 14 листе «Живописца». Новиков, прервав печатание «Отрывка», решил сделать тактический ход и выяснить отношение к первой напечатанной части. Стремясь обезопасить «Живописца», он помещает в 13 листе сатирический очерк «Английская прогулка», в котором излагает беседу издателя с неким благожелательно настроенным читателем журнала. Одобрив «отрывок», этот почтенный человек говорит, что не понимает, «почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус...». Новиков счел нужным заметить, что речь идет не о «целом дворянском корпусе», а о дворянине, «власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющем», о том, кто «худое рачение» о крестьянах имеет, принося тем самым вред государству. Автор «Отрывка» обещает наряду с деревней Разоренной показать «жителей Благополучных деревни». Однако это обещание так и не было выполнено, и, по-видимому, не случайно. Вместе с тем обещание показать деревню Благополучную и комментарий к «Английской прогулке», хотя и были вызваны цензурными соображениями, отражали в то же время противоречивость и недостаточную последовательность в отношении к крепостному праву даже одного из самых смелых обличителей эпохи Просвещения.

Критикуя крепостническую действительность, Новиков не думал о возможности ее уничтожить с помощью народного восстания. Только Радищев поднимется до осознания прав народа насилем отвечать на насилие, признав в нем главного двигателя истории.

В следующем, 15 листе «Живописца» Новиков начинает печатать знаменитые «Письма Фалалею», состоящие из пяти очерков. Перед нами картина жизни провинциального помещика, его диких нравов, быта. Если в «Отрывке» была показана нищенская, вызывающая глубокое сострадание жизнь крестьян, то в «Письмах» – жизнь помещика-крепостника, жестокость и невежество которого вызывают негодование у читателя.

В «Письмах к Фалалею», как ранее в «Копиях с отписок», автор стремится к документальности, хотя и условной. Как писатель Новиков формируется внутри русского классицизма, и это стремление к документальности свидетельствует о поисках им путей преодоления рационалистического ме-

тогда постижения действительности. Особенно выразительно «Письмо уездного дворянина к его сыну» (лист 15). Письма Трифона Панкратьевича к сыну переносят нас в мир будущих Простаковых и Скотининых («Письма» появились за десять лет до комедии Фонвизина).

В патриархальных наставлениях Трифона Панкратьевича, перемежающихся с жалобами на новые порядки, на негодных крестьян, которых можно заставить трудиться на себя лишь пять дней в неделю, с удивительной откровенностью раскрывается психология крепостника, его убеждения. Выгнанный с гражданской службы за взятки, он сетует на то, что вольность дворян не та стала, «нельзя у соседа земли отнять». Трифон Панкратьевич дерет крестьян, спускает с них кожу, но жалуется сыну: «...секу их нещадно, а все прибыли нет, год от году все больше мужики нищают...». Из другого письма вырисовывается дикий семейный быт, который он ставит в пример Фалалею: «Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну, да как без этого, живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется; как без того!.. Учись, сынок, как жить с женою, мы хоть и дирались с нею, да все таки живем вместе...» (лист 23). Недалеко от мужа ушла и его супруга Акулина Сидоровна, которая «уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать подадут». Под стать родителям и дети, вырастающие в дикости и невежестве. Трифон Панкратьевич вспоминает, как его сын «вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и ссекал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих...» (лист 23).

Тема влияния окружающей среды на формирование характера человека, тема воспитания глубоко волнует Новикова. Впоследствии, в 80-х годах, он посвятит немало статей вопросам воспитания молодого поколения. Но уже в сатирических журналах он показывает пагубность влияния крепостнической среды на характер человека.

В 18 листе «Живописца» интересна в связи с этим повесть «Следствия худого воспитания», присланная «несчастливым Е***», несчастья которого были связаны с окружающей его средой, образом жизни родителей, служивших сыну дурным примером. Нравоучительный смысл этой повести отчетливо раскрывается в примечании: «Отцы и матери, казнитесь сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы».

Из письма матери Фалалея Акулины Сидоровны встает образ невежественной и крутой помещицы, которая в своей слепой любви к Фалалеюшке предвосхищает Простакову. Написанные в тоне злой иронии, письма отличаются яркой бытописью, метким и выразительным языком, который помогает воссоздать реальную картину неприглядной, чудовищной в своей жестокости жизни помещного дворянства. «Письма» издатель связывает с «Отрывком путешествия», когда Трифон Панкратьевич возмущается появлением «Отрывка» в каком-то «Живописце». Несмотря на тактические ухищрения Новикова, на его деликатные реверансы в сторону Екатерины, журнал «Живописец» возбудил не менее яростные нападки, чем «Трутень». В июле 1773 г. издание было прекращено.

Сатира новиковских журналов рассчитана на вкус «мещан наших», она была действенна в своей критике окружающей екатерининской действительности, в пропаганде идеи нравственного совершенствования личности. Она дала богатый материал Фонвизину, Крылову, Грибоедову. Второе издание «Живописца» вышло в том же 1773 г. Придавая большое значение «Отрывку путешествия в ***И***Т***» и «Письмам к Фалалею», Новиков в третьем издании (1775) помещает эти наиболее острые сатирические произведения, присоединяя к ним «Копии с отписок» («Трутень»). Новиков переиздает обильные сатирические материалы в годы пугачевского восстания, для этого, несомненно, понадобилась большая гражданская смелость издателя. «Живописец» выдержал за 20 лет пять изданий и был неизменно популярен у читателей.

В 1774 г. выходит последний сатирический журнал Новикова «Кошелек» (июль – сентябрь 1774 г.). Он уступает предшествующим журналам в широте и социальной остроте изображения отрицательных явлений русской жизни. Сказалось и время издания – пугачевское восстание было в разгаре. Основная тема нового журнала – борьба с дворянским «чужебесием». Уже в первой статье шла речь о «злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче русского наречия». Назвав издание свое «Кошелек», Новиков, по его собственным словам (редакционная статья «Вместо предисловия»), хотел показать новым журналом «превращение русского кошелька во французский», т.е. бессмысленную трату денег на модные иноземные затеи, растрату не только материального, но и духовного богатства. Ибо все эти зараженные французоманией дворяне теряют чувство родины, чувство национального достоинства.

«Кошелек» имел и другое значение: так назывался мешок из кожи или тафты, куда убирали косу парика щеголи. Так название журнала раскрывало его общественно-политическое направление. «Отечеству моему сие сочинение (т.е. издание) усердно посвящается». («Кошелек», 1774, лист 1), - писал Новиков в предисловии к журналу. Основной задачей издания была борьба за национальные русские начала. Новиков выступает горячим патриотом, у которого любовь к родине и своему народу сочеталась с критикой отрицательных сторон действительности.

Противопоставляя галломании «древние российские добродетели», Новиков не идеализирует все русское историческое прошлое. Об этом свидетельствует письмо Щеголя – «защитника французов», пользуясь которым Новиков критикует отсталость допетровской Руси: «Когда все науки заключаются в одних святцах...когда женились не выдав невесты своей в глаза; когда все добродетели заключались в густоте бороды...». Автор письма иронически спрашивает: где же «древние российские добротели»? «Кошелек» просуществовал недолго, с июля по сентябрь 1774 г.

В журналах Новикова большинство материалов принадлежало самому издателю. Вместе с тем среди сотрудников его изданий были Фонвизин, Радищев, Эммин, Сумароков, Майков и др. Новиков сумел привлечь наиболее

талантливых литераторов своего времени, сохраняя за собой ведущее место редактора – организатора журнала и основного автора.

Вынужденный прекратить издание сатирических журналов, Новиков все больше внимания уделяет книгоиздательской деятельности. Эта деятельность началась еще в 1766 г., когда он приступил к изданию книг о русской истории и культуре. В 1772 г. появился «Опыт исторического словаря о российских писателях», о писателях XVIII в. собран важный фактический материал. Новиков хотел показать, что в России «науки и художества распространяются», и «сохранить в памяти потомства имена своих писателей».

В 1773 г. выходит «Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений...» - документов, грамот, княжеских договоров и других памятников русской письменности. За три года вышло 10 частей «Вивлиофики». Выходят и другие книги, дающие сведения по истории России.

Новый период бурной издательской деятельности Новикова падает на десятилетие с 1779 по 1789 гг., когда он арендует типографию Московского университета. В книгоиздательских целях использует он и свое участие в масонской ложе. В ложу масонов Новиков вступил еще в Петербурге в 1775 г.

Масонские ложи разных направлений возникли в 70-80-х годах в Москве, Петербурге и некоторых провинциальных городах (первое известие о масонстве в России относится к 1741 г.). Созданные по образцу западноевропейских масонских лож, русские религиозно-философские общества первоначально объединяли ту часть дворянства, которая была недовольна политикой правительства. После пугачевского восстания в период реакции масонство, которое сочетало в себе просветительские идеи с мистицизмом, приняло реакционный характер. Однако масонство на всем протяжении своего существования не было единым идейным течением. Принадлежа к московским масонам, Новиков оставался верен своим просветительским взглядам. В масонстве его привлекали идеалы равенства и братства людей, идеи нравственного воспитания и самоусовершенствования человека. Членами масонских лож были литераторы, ученые, политические деятели, среди писателей: Херасков, Хемницер, Муравьев, Карамзин и др. Характерно, что, отрицая политическую борьбу и проповедуя религиозно-нравственное самоусовершенствование, масоны находились в скрытой оппозиции по отношению к правительству. Отсюда и преследования со стороны правительства членов масонских лож.

Арендованная Новиковым университетская типография явилась базой для широкой, выходящей за пределы пропаганды масонского учения книгоиздательской деятельности. Им были изданы сотни книг: учебники по истории, географии, азбука, букварь, грамматика, книги для детей, книги по медицине, сельскому хозяйству, педагогике, произведения русских и западноевропейских писателей (трагедии Шекспира, произведения Вольтера, Руссо, Лессинга и др.). Изданные книги, около 1000, ориентируются на третьесловного читателя. «Типографическая компания», созданная масонами в середине 800х годов, душой которой был Новиков, открыла сеть книжных ла-

вок в провинции для распространения книг по всей России. Огромная культурно-просветительская деятельность Новикова имела важное значение в общественной жизни России.

В конце 70-80-х годов Новиков издает ряд новых журналов: «Утренний свет» (1777-1780), «Вечерняя заря» (1782-1783), «Покоящийся трудолюбец» (1784-1785), «Московское издание» (1781) и газету «Московские ведомости» (1779-1789), тираж которой при Новикове увеличился в 6 раз, с 600 экземпляров до 4000. «Ведомости» выходили с приложениями литературного и практического характера.

Среди этих журналов обращает на себя особенное внимание издававшийся ежемесячно с сентября 1777 г. по август 1780 г. нравственно-философский журнал «Утренний свет», связанный с идеологией масонов. Призыв к самопознанию, психологическому самосозерцанию, свойственные масонам, уводили их от анализа окружающего мира. Своей идейной и эстетической направленностью журнал способствовал началу формирования сентиментализма, на его страницах был поставлен вопрос о внимании к человеку как индивидууму. Внутренний мир человека, стремление к его нравственному самоусовершенствованию, способность к самоанализу («познай самого себя») – все это явилось предтечей русского дворянского сентиментализма.

Новиков был издателем первого детского журнала «Детское чтение для сердца и разума», выходившего еженедельно с 1785 по 1789 гг. как приложение к «Московским ведомостям». «Детское чтение» было обращено к «благородному российскому юношеству» и преследовало широкие воспитательные и педагогические цели, о которых Новиков рассказывал в предисловии к журналу. Редактировали издание А.А. Петров, Н.М. Карамзин. «Детское чтение» публиковало научно-популярные статьи (например, «Разговор между отцом и детьми о кофе»), статьи природоведческого характера, автором которых был педагог-естественник Прокопович-Антонский, переводные и оригинальные беллетристические произведения.

Еще с 1779 г. Новиков начал издавать первый русский журнал для женщин «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (вышло 4 части, 12 книг). Журнал этот был преимущественно литературным, но к каждой книжке журнала прилагались картинки с изображением модных нарядов и уборов. И детский, и женский журналы преследовали прежде всего образовательные и воспитательные цели.

В период усилившейся реакции, вызванной пугачевским восстанием и революционными событиями в Северной Америке, подробные сведения о которых сообщались в периодических изданиях, выпускаемых Новиковым, правительство начинает преследовать его предприятия. Деятельность Новикова, за которой Екатерина давно пристально следила, теперь представляется ей особенно опасной. С 1784 г. начинаются постоянные преследования Новикова, которые приводят писателя-публициста в 1792 г. к заключению в Шлиссельбургскую крепость (формально за печатание ряда книг, проповедующих раскол). Казнь, к которой его приговорили как государственно преступника, была заменена заточением сроком на 15 лет. После смерти Екате-

рины Новиков был освобожден, но вернулся он физически и нравственно разбитым, он был полностью разорен, поместье пришлось заложить. К общественной деятельности он больше не смог вернуться. 31 июля 1818 г. Новикова не стало.

Просветительская деятельность писателя-сатирика, публициста и издателя была высоко оценена современниками Новикова и последующими поколениями. Сатира его журналов оставила большой след в русской литературе. Она сообщила литературе «открытую злободневность, газетность в лучшем смысле этого слова». Сатирические журналы «расширили в литературе область прозы, притом прозы не отвлеченно-философского характера, а прозы «деловой», конкретно говорящей о современных людях, делах, общественных явлениях. Новиков был одним из тех писателей, которые сводили русскую поэзию с высоты классического Парнаса в животрепещущую современную жизнь, в быт. Необычайное разнообразие форм прозы в его журналах открывало новые возможности для русской литературы» (1)

Жанровое разнообразие новиковских журналов было вызвано необходимостью критики социальных недостатков русской действительности. Малые формы сатиры помогали более остро и оперативно откликаться на происходящие события. Это и пародийный рецепт, пародия на газетное объявление, сатирический портрет, ведомости, сатирические словари и наиболее распространенные письма в редакцию, переписка между частными лицами, сатирический документ (копия с помещичьего указа). Вместе с тем в журналах Новикова нашли отражение и такие жанры, как сатирический очерк, небольшая по объему повесть, в которых сказалось мастерство писателя, умение емко и лаконично, предельно простым языком выразить глубокое социальное содержание. Многие темы и образы сатирических журналов Новикова были использованы писателями-сатириками: Фонвизиным, Крыловым, Радищевым, Грибоедовым.

Значение Новикова в развитии русской обличительной литературы раскрывает Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины»: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий. – Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «живописца» (2).

Д. И. ФОНВИЗИН (1745-1792)

Творчество Дениса Ивановича Фонвизина стоит у истоков русского реализма, чему немало способствовали важнейшие политические и социальные события, происшедшие в России и за ее пределами. Крестьянские бунты, перешедшие в крестьянскую войну 1773-1775 гг., жестокое подавление вос-

стания Пугачева, помещичий и правительственный произвол в стране, революция атмосфера во Франции – все это заставило русское дворянство занять более определенные позиции по важнейшим вопросам современности. Если часть дворянских деятелей литературы, напуганная происходящими и назревающими событиями, растеряла свою былую оппозиционность по отношению к правительству (Херасков, Богданович, Майков и др.), то Фонвизин оказался среди тех писателей-просветителей, которые продолжали борьбу с деспотией и помещичьим произволом средствами сатиры и публицистики. Еще Белинский отмечал, что начиная с Кантемира сатирическое направление «сделалось живою струею всей русской литературы». Именно сатира с ее стремлением к реалистическому воспроизведению действительности способствовала преодолению классицизма в русской литературе и усилению в ней реалистических тенденций. Определяя талант Фонвизина как преимущественно сатирический, Белинский писал: «Вообще для меня Кантемир и Фонвизин, особенно последний, самые интересные писатели первых периодов нашей литературы: они говорят мне не о заоблачных превыспренности по случаю площадных иллюминаций, а о живой действительности, исторически существовавшей, о нравах общества...» (1).

Д.И. Фонвизин происходил из старинной дворянской семьи, учился в университетской гимназии, затем на философском факультете университета. Попад в числе «избранных учеников» в 1758 г. в Петербург к куратору университета графу Шувалову, Фонвизин на приеме у него видит Ломоносова, знакомится с видными деятелями Российского театра Волковым и Дмитриевским.

Театральные представления произвели на него огромное впечатление. Пристрастие к театру писатель сохранил на всю жизнь. В конце 1762 г. Фонвизин подает прошение о приеме на службу в Иностранную коллегию. Прощение было удовлетворено, и он переезжает в Петербург.

Уже в ранний период литературной деятельности, занимаясь переводами, Фонвизин выступает как прогрессивно мыслящий человек, испытавший на себе влияние просветительских идей.

После недолгой службы в Петербурге под началом кабинет-министра Елагина, выделявшегося из сановников Екатерины своим интересом к литературе (он сам был стихотворцем и переводчиком), Фонвизин вновь поступил в Коллегию иностранных дел, где сблизился с Паниным, вельможей, который играл значительную роль в государственной жизни страны. Будучи идеологом дворянского либерализма, он хотел ограничения самодержавной деспотии «фундаментальными» законами, некоторого смягчения крепостного права. И хотя эта оппозиция носила дворянско-аристократический характер, тем не менее, она способствовала развитию прогрессивных взглядов в обществе, требуя от самодержавия законодательных актов, а от дворянства честного служения на пользу государству. Став секретарем Панина, Фонвизин полностью разделяет его оппозицию «самовластию» и своим творчеством драматурга, публициста борется против деспотии и произвола в бюрократическом государстве, против неограниченного рабства крестьян. В трактате

«Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самых государей», написанном по «мыслям» Панина, в резкой полемике Фонвизина с Екатериной на страницах «Собеседника любителей русского слова» и в других публицистических выступлениях сатирика отчетливо проявляются политические взгляды писателя.

В 1777-1778 гг. Фонвизин выезжает за границу и довольно долго находится во Франции (в Париже он пробыл свыше пяти месяцев). Из Франции он пишет частные письма к своей сестре Аргамаковой, Булгакову и др. Эти письма, несмотря на определенный адресат, носили ярко выраженный общественный характер и явились замечательным памятником русской публицистики. Франция для передовых людей обладала особенным притягательным интересом. Однако непосредственное знакомство со страной, где Фонвизин наблюдал нравственное разложение дворянского общества, фаворитизм при дворе, экономическое неравенство и нищету народа, вызывало не только разочарование, но и резкую критику со стороны писателя. Острый ум Фонвизина, наблюдательность, умение разобраться в экономических, социальных и политических явлениях жизни французского общества позволили ему нарисовать исторически верную картину феодально-абсолютистской Франции и дать оценку увиденному. «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко», - писал сатирик в письме к сестре. Его поражает нищета народа и безудержное обогащение королевского дома.

Это стремление, изучая французскую действительность, глубже понять процессы, происходящие не только во Франции, но и в России, и найти пути к улучшению социально-политического порядка на родине придавало письмам остроту публицистического пафоса.

Нарисованная Фонвизиним картина резких контрастов в жизни французского общества, сатирическое разоблачение им развращенности и обогащения придворной знати, высшего духовенства дали возможность Белинскому высоко оценить социально-политическое звучание писем: «Читая их, вы чувствуете уже начало Французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником» (1).

Вместе с тем Фонвизин оценивает по достоинству то, что заслуживает внимания во Франции. Это особенно относится к французской торговле и промышленности.

Письма Фонвизина написаны метким, образным, живым русским языком. Они ироничны, однако эта ирония часто переходит в сатиру, когда дело касается социальной сущности явлений. Читая его письма, нельзя не обратить внимания на суровую оценку им французских просветителей. В письмах сказалась классовая ограниченность мировоззрения писателя, который не видел исторической роли буржуазии и отрицательно оценивал ее идеологов. Резки в письмах отзывы о Вольтере, д'Аламбере и др. Ненавидя деспотию и беззакония самодержавия, Фонвизин был далек от идеи революционного преобразования действительности. Кроме того, ему претили «ласкатель-

ства» философов к Екатерине, их чрезмерные похвалы ей. И только для «славного Руссо» он делает исключение, видя в нем «самого независимого и принципиального».

Известно, что предложенная Екатериной пенсия и единовременное пособие в 100 000 рублей были отвергнуты Руссо и вызвали с его стороны «неизменную отныне ненависть к русскому тирану». Тем не менее идеи просветителей, особенно учение Монтескье, были во многом близки Фонвизину, что найдет отражение в «Рассуждении о неперменных государственных законах», где будет идти речь о «фундаментальных законах», которые необходимы для устройства идеального государства.

Письма Фонвизина выделялись критическим восприятием современной писателю Франции и глубоким критическим осмыслением действительности.

Политические взгляды Фонвизина, стремившегося к ограничению самодержавной власти и крепостного права путем введения законов, которые должны неукоснительно соблюдаться, были тесно связаны с политической деятельностью главы дворянской оппозиции Н. Панина. По «мыслям» Панина незадолго до его кончины Фонвизин написал публицистический трактат «Рассуждение о неперменных государственных законах». Мысли Панина он сумел облечь в яркую литературную форму, благодаря которой «Рассуждение», весьма умеренное по своему содержанию, приобретает черты памфлета.

В России Фонвизин видел разгул реакции после крестьянского восстания 1773-1775 гг., фаворитизм, расхищение государственной казны, то «зыблемое состояние», которое может привести на край гибели. Фонвизин при всей социально-политической остроте своей критики самодержавного произвола и крепостничества рассчитывал не на революционный, как Радищев, а на мирный путь социального обновления России. Написанное им «Рассуждение» (конец 1782 – начало 1783 гг.) явилось одним из лучших произведений русской публицистики XVIII столетия. Предназначалось оно для воспитанника Никиты Панина – будущего императора Павла Петровича. Если рассуждения об обязанностях монарха перед подданными были в духе общих просветительских идей, то более определенно прозвучала мысль о праве подданных на насилие отвечать насилием, хотя писатель и имеет в виду дворцовый переворот, способный сместить монарха-тирана.

Фонвизина пугала возможность новой пугачевщины. Необходимо пойти на уступки, на социальные преобразования, чтобы избежать дальнейших потрясений. Отсюда основное требование – введение «фундаментальных законов», соблюдение которых необходимо и для монарха.

Наиболее впечатляющей является нарисованная писателем-сатириком картина современной ему действительности: безграничный произвол, охвативший все органы государственного управления. В этом страстном обличительном пафосе – сила публицистического мастерства Фонвизина.

Взрывная сила этого исполненного гражданского пафоса документа могла вести к самым решительным выводам. Картина самодержавно-крепостнической действительности – это памфлет, написанный с большим

ораторским искусством. Недаром этот документ оставил след в развитии русского освободительного движения, будучи известно декабристам. «Рассуждение» в рукописном виде распространялось среди членов тайного общества, оказывая влияние на воззрения дворянских революционеров. Племянник Фонвизина, генерал-лейтенант М.А. Фонвизин, был членом Союза благоденствия. В своих записях он пишет о том, что копия «Рассуждения» была передана им Н.М. Муравьеву, который переработал ее, «приспособив содержание этого акта к царствованию Александра I».

Борьба Фонвизина с Екатериной и царствующим в стране злом особенно усилилась в 1782-1783 гг. Она развернулась на страницах журнала Академии наук «Собеседник любителей российского слова». Это был наиболее значительный журнал, издаваемый Академией наук после прекращения в 1764 г. «Ежемесячных сочинений». «Собеседник издавался частями, и сроки выхода этих частей были неопределенны. В журнале впервые печатались только оригинальные литературные произведения. Редакция предупреждала, что «переводы, какого бы рода ни были, помещены здесь не будут». Стремясь по-прежнему направлять общественное мнение, Екатерина в период нового оживления общественной мысли в России, ее наибольшей оппозиционности и радикализма, решила предпринять издание журнала, фактической руководительницей которого была она сама. Официально издателем и редактором журнала была занимавшая в это время пост директора Академии наук княгиня Е.Р. Дашкова. Первый номер журнала открывался державинской «Одой к Фелице». Помимо Державина здесь печатались Фонвизин, Капнист, Княжнин, Херасков, Богданович и др. Добролюбов отмечал, «что в продолжение двух лет своего издания он совмещал в себе почти всю литературную деятельность русских писателей того времени» (2).

Большое место отводилось в журнале «Запискам касательно российской истории» – тенденциозному произведению Екатерины, занимавшему почти половину журнала и преследовавшему определенные политические цели. В своей статье о «Собеседнике» Добролюбов очень тонко вскрывает подлинный характер целей императрицы, которая стремится «показать во всем, чем только можно, что всякое добро нисходит от престола и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства» (3).

Здесь же печатает Екатерина и фельетоны «Были и небылицы». «В них, – пишет Добролюбов, – все легко, шутливо неглубоко...» (4). Это попытка возродить улыбательную сатиру «Всякой всячины». Но если раньше Екатерина встретила отпор со стороны Новикова, то теперь в смелую полемику с ней вступил Фонвизин, напечатавший в 3 книге «Вопросы» к автору «Былей и небылиц». Полемика носила ярко выраженный политический характер, недаром Екатерина была возмущена «дерзостью» писателя. В «Вопросах» Фонвизин касался внутреннего положения в стране: фаворитизма, отсутствия гласности в суде, нравственного разложения дворянства и т.д.

В той же книжке, где были напечатаны «Вопросы», Екатерина поместила и ответы.

Рассматривая полемику Фонвизина с Екатериной, Добролюбов в своей статье «Собеседник любителей русского слова, напечатанной в восьмой и десятой книжках «Современника», писал об «Ответах» Екатерины: «Только ответы эти такого рода, что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это – свободоязычие, простирающееся слишком далеко». 5

В «Собеседнике» (1783) Фонвизин помещает еще несколько статей сатирико-публицистического характера: «Челобитная российской Минерве от российских писателей», «Опыт русского сословника», в котором, разъясняя слова-синонимы, писатель так подбирает примеры их употребления, что читатель понимает скрытый в них иронический подтекст. Так, к словам «звание, чин, сан» он подбирает следующие примеры: «Можно иметь звание без чина, но стыдно брать чины без звания». Таким образом, даны объяснения 105 словам-синонимам.

Не была разрешена к напечатанию в «Собеседнике» еще одна статья Фонвизина «Всеобщая придворная грамматика» (1783), в которой сатирическому осмеянию подвергались приближенные императрицы. Статья распространялась среди читающей публики в списках и была одним из наиболее ярких образцов публицистической сатиры Фонвизина.

В своих публицистических произведениях писатель оперирует, казалось бы, сугубо лингвистическими категориями, т.е. «внелитературными» жанрами. Вместе с тем именно этот прием дает ему возможность с наибольшей прямоотой выразить свое недовольство существующими самодержавно-бюрократическими порядками. «Придворная грамматика» построена в форме вопросов и ответов, в которых объясняются грамматические термины и правила. «Придворная грамматика» определялась как наука «хитро льстить языком и пером».

Используя необычную форму сатиры, Фонвизин смело обличает придворную знать, окружающую императрицу, и порядки при дворе. Этот обличительный пафос, направленный против екатерининского окружения, перекликался со словами Стародума в «недоросле» о том, что двор болен «неисцельно».

Екатерина не могла простить сатирику его независимости и «дерзости» в полемике с ней на страницах «Собеседника». Весной 1788 г. был запрещен журнал Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум», рукопись которого писатель представил в Управу благочиния. Журнал, в подзаголовке которого стояло: «Периодическое сочинение, посвященное истине», должен был выходить 3 раза в год, каждый комплект журнала – состоять из 12 листов. Фонвизин возлагал большую надежду на журнал, выход которого означал активное возвращение писателя к сатирико-обличительной деятельности. Но именно этого не хотела допустить Екатерина. Материалы дошедших до нас листов журнала принадлежали перу Фонвизина и распространялись в рукописном виде. Помимо «Всеобщей придворной грамматики», включенной в состав журнала, среди сатирических очерков выделялись: «Письмо к Стародуму от дедиловского помещика Дурыкина», «Разговор у княгини Халди-

ной», в которых сатирически изображались отношения в дворянских домах к учителям, нравы, которые господствовали в то время, и так называемое воспитание дворянских деток, выражавшееся в закармливании их всякой домашней снедью. Высоко оценил этот сатирический очерк нравов А.С. Пушкин.

В журнале большое место отводилось любимому герою Фонвизина – Стародуму, переписку которого с разными корреспондентами собирался публиковать писатель, продолжая развивать идеи и образы «Недоросля».

Сатирически остро написаны «Письмо, найденное по блаженной кончине надворного советника Взяткина», «Наставление дяди своему племяннику», в которых показано, как, пренебрегая честью и долгом, используя служебное положение, наживаются чиновники в самодержавно-бюрократическом государстве. В своей сатирико-публицистической деятельности Фонвизин продолжил и развил проблематику и формы сатиры Новикова.

Для Фонвизина – писателя-публициста характерно, что, выступая в разных жанрах: комедиях, сатирах, письмах собственно публицистических произведениях, он стремится разъяснить свои политические воззрения, повлиять на изменение общественного порядка.

Глубокий интерес проявлял к Фонвизину Пушкин, которому был близок сатирический талант писателя. Сатира Фонвизина воспринималась им как синоним свободолюбия.

Пушкин, декабристы, Герцен ценили в писателе «друга свободы», его гневный, сокрушающий смех, о котором Герцен писал: «Смех Фонвизина далеко отозвался, разбудил целую фалангу великих насмешников, и их-то смеху сквозь слезы литература обязана своими крупнейшими успехами и большей частью своего влияния в России» (1).

ЖУРНАЛИСТИКА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII ВЕКА

Развитие русской общественной мысли, литературы и журналистики в 90-х годах было обусловлено углублением кризиса феодально-крепостнической системы, ростом крестьянских волнений, которые по размаху своему получили название «второй пугачевщины». Разразившаяся в 1789-1794 гг. Французская буржуазная революция, подготовленная идеями просветителей, оказала сильное воздействие на развитие русской общественной мысли, литературы и журналистики. Русская действительность и Французская революция повлияли на формирование революционного мировоззрения Радищева, о котором Екатерина говорила, что Французская революция «ево решила себя определить в России первым подвизателем».

В 90-х годах возникли наиболее радикальные произведения, ставшие вершиной русского Просвещения: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, трагедия Княжнина «Вадим Новгородский», сатирическая журналистика Крылова, «Ябеда» Капниста, в которых резкой критике была подвергнута самодержавно-крепостническая Россия, но только «Путешествие» Радищева стало первым в русской литературе произведением, несущим идеи революции.

В этот период возникают и первые кружки литературно-политического характера: в 1788 г. в Петербурге – просветительский кружок «Общество друзей словесных наук», которое стало издавать журнал «Беседующий гражданин», выходивший с января по декабрь 1789 г.

В журнале печатались статьи преимущественно нравоучительного характера, а т.к. члены кружка были связаны с московскими масонами, то в их статьях проявлялось влияние религиозных тенденций и морали. Будучи членом этого кружка, Радищев напечатал в журнале резко оппозиционную статью «Беседа о том, что есть сын Отечества», пропущенную цензурой из-за довольно благонамеренного характера издания. Статья является одним из замечательных произведений русской публицистики. С «Обществом...» был связан кружок Рахманинова, переводчика и издателя сочинений Вольтера.

Прогрессивные политико-философские идеи нашли отражение в «Санкт-Петербургском журнале», издаваемом Пниным и Бестужевым (отцом четырех декабристов). Это был наиболее интересный и содержательный журнал конца века, выходивший ежемесячно на протяжении 1798 г. В журнале участвовали такие литераторы, как Измайлов, Бухарский, Мартынов и др. Это издание выступило носителем наиболее прогрессивных философских и экономических идей эпохи.

Переводы из Монтескье, Гольбаха пропагандировали материалистическую философию. В духе просветительских идей велась пропаганда просвещения, ответственности царя перед законом, в завуалированном виде встречалась на страницах журнала критика крепостнических отношений и режима Павла I. В период жестких цензурных условий это было чрезвычайно смелым явлением. В журнале отчетливо звучали радищевские традиции. Под влияни-

ем «Беседы о том, что есть сын Отечества» написана небольшая статья И. Пнина «Гражданин», в которой определяются права и обязанности истинного гражданина в отношении к обществу и государству. Однако автор, в отличие от Радищева, не ставит вопрос о крестьянах как гражданах, и сама идея революционного преобразования действительности была чужда ему.

К статьям «серьезного содержания» – философским, экономическим, этическим – относился трактат А.Ф. Бестужева о воспитании. По своим воззрениям Бестужев отличался от Пнина умеренностью и либерализмом своих взглядов, однако его статья «О воспитании военном относительно благородного юношества» была основана на просветительской философии. Бестужев писал о влиянии окружающей общественной среды на формирование молодого человека, о том, что не происхождение, а личные заслуги, участие в общественной жизни определяют «благородство» человека. Он ратовал за общественное воспитание.

На страницах журнала, в четырех книжках (июль-октябрь), были опубликованы два письма Фонвизина Пнину и его автобиографические записки «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях».

Большой интерес у исследователей вызывают «Письма из Торжка» за подписью «Читатель», адресованные издателю журнала. Письма эти, посвященные проблеме свободы слова, были близки взглядам Радищева на состояние цензуры и свободу слова. «Санкт-Петербургский журнал» отличался просветительским радикализмом, его издатели, умело обходя цензурные рогатки, большое внимание уделяли политическим вопросам.

Сложность развития литературно-публицистического процесса в 90-х годах была обусловлена противоречиями русской социальной действительности, усилением правительственной реакции в конце царствования Екатерины и недолгого правления Павла I. Напуганное ростом крестьянских волнений и событиями Французской революции правительство перешло к жестоким репрессиям: заключению в Шлиссельбургскую крепость, ссылке в Сибирь были подвергнуты Новиков, Радищев и другие передовые люди того времени.

В сатирических произведениях Крылова, в творчестве Радищева, в поэзии Державина 90-х годов идет дальнейшее развитие реалистических тенденций, а в отдельных сентиментальных повестях Карамзина намечаются черты предромантизма.

И.А. КРЫЛОВ (1769-1844)

В 90-х годах раскрылась литературная и журналистская деятельность молодого Крылова. С его именем связан расцвет русской сатирической журналистики конца века. Борьба с крепостническими порядками, антидворянская направленность – характерные черты творчества Крылова. Продолжая развитие принципов новиковской и фонвизинской сатиры, Крылов в демократических тенденциях сближается с Радищевым.

Иван Андреевич Крылов прожил долгую жизнь, оставаясь в каждую новую эпоху в рядах передовых писателей. Современник Фонвизина и Радищева в юности, он в зрелые годы был близок Батюшкову, декабристам и Пушкину, на склоне лет – он современник Гоголя, Белинского, Тургенева, высоко ценивших творчество народного поэта.

Крылов родился в семье бедного армейского офицера, отец его после пугачевского восстания вышел в отставку, и семья поселилась в Твери. После смерти отца, когда мальчику было девять лет, его определили на службу, чтобы поддержать мать и младшего брата. Крылов очень рано узнал нужду и на всю жизнь сохранил сочувствие и симпатию к трудовому народу. Писать он начал рано. Когда ему было четырнадцать лет, он написал комическую оперу «Кофейница», в которой, по словам автора, «нравы эпохи описаны верно». В ранний период своей деятельности Крылов выступает как драматург и стихотворец. Трудный жизненный путь, самостоятельные занятия, ибо Крылов не получил никакого систематического образования, способствовали формированию его демократических убеждений, которые позволили ему увидеть остроту социальных противоречий русской жизни. Знакомство писателя с Рахманиновым, переводчиком и издателем сочинений просветителей, способствовало сотрудничеству Крылова в журнале «Утренние часы» (1788-1789), где он напечатал свои первые басни. В типографии Рахманинова и при его содействии Крылов вскоре издает свой первый журнал «Почта духов» (1789). Зрелость мастерства писателя-сатирика проявилась в его художественно-публицистической прозе, опубликованной в издаваемых Крыловым журналах: «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий».

Сатирическая журналистика Крылова – дальнейший шаг в развитии лучших традиций новиковской сатиры. В январе 1789 г. в Петербурге вышла первая книжка ежемесячного журнала «Почта духов», издателем и единственным автором которого был Крылов. «Почта духов» скорее не журнал в обычном понимании, а книга очерков или писем-фельетонов, выходящая по частям. На титульном листе сатирического журнала в письмах было написано: «Ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Резкость критики крепостнического государства, публицистическая заостренность, отчетливо выраженная антидворянская направленность характеризуют «Почту духов».

«Философические письма» пишут арабскому волшебнику Маликульмульку гномы, сильфы, ондины, которые благодаря своей волшебной природе проникают везде и всюду, оставаясь часто невидимыми, что дает им возможность наблюдать жизнь без всяких прикрас. В письмах «духи» с наивным удивлением рассказывают о явлениях общественной жизни, которые противоречат естественным законам, нормам нравственного и общественного поведения. Их восприятие царящей вокруг несправедливости, беззакония, корыстолюбия и других пороков привилегированных слоев общества выражается в сатирическом гротеске, в язвительной иронии. Исследователи не раз отмечали, что сатирическое восприятие существующих общественно-

политических порядков глазами «постороннего наблюдателя» - прием, который в русской литературе имеет давнюю традицию, начатую Кантемиром. Этот прием дает возможность с большой прямоотой и смелостью подвергнуть критике уродливые стороны самодержавно-крепостнической действительности.

«Почта духов» - целостное художественно-публицистическое произведение, которое по своему построению было близко «Адской почте» Эммина (1769). Эту преемственность Крылов подчеркивает уже названием журнала. При всем том, что построение «Почты духов» в значительной степени свободно, Крылов стремится объединить письма-фельетоны сюжетно, фигурами одних и тех же персонажей. Этому способствует «Вступление» к журналу и первое письмо от гнома Зора, которое является экспозицией к последующему повествованию.

Во «Вступлении» говорится о бедном, незаметном человеке, размышляющем о своей горестной судьбе, и его встрече с волшебником Маликульмулке, предложившим автору стать его секретарем, в обязанности которого входило читать письма корреспондентов-«духов» и составлять на них ответы. Затем рассказывается, как гном Зор, от которого приходит первое письмо, попадает на землю и оказывается в кругу людей. Богиня подземного царства Прозерпина, побывав на земле, возвратилась оттуда модницей, «вертопрашкой» и решила завести в своем царстве все на новый лад. Она посылает гнома Зора, чтобы он доставил в ад модных парикмахеров, портного и купца-галантерейщика. Так мотивируется появление подземного духа среди земных жителей.

В 48 письмах «Почты духов» можно обнаружить два плана: 1) резко сатирическое описание нравов и жизни столичного дворянства, строящего свое благополучие на страданиях народа, критика государственного аппарата и социальной несправедливости (письма Зора и Буристона – подземных адских духов); 2) рассуждения «сильфов» Световида и Выспрепара, воздушных духов, в которых содержатся наставления, как исправить общественные пороки. Развитие «просвещенности» и соблюдение сословного равенства – залог улучшения государственного устройства. С позиции гуманиста и демократа раскрывает Крылов самые разные области русской жизни, углубляя и заостря критику дворянского общества, всех этих припрыжкиных, частобраловых, придворных и чиновников всех рангов и званий, грабящих народ, творящих беззаконие. Здесь и тщеславные петиметры, которых Крылов сравнивает с кривляющимися, прыгающими и вертящимися обезьянами, и молодящиеся старухи; нападает сатирик и на купцов и откупщиков, которые кичатся своим богатством, нажитым нечестными путями. Резко выступая против сословных привилегий дворянства, Крылов требует от писателей служения истине, которая для него неподкупна, требует равенства всех сословий и необходимости для каждого человека честного исполнения гражданского долга. Чувство человеческого достоинства, «чин человека» высоко поднимались писателем-демократом.

В «Почте духов» Крылов противопоставляет «третье сословие» разлагающейся дворянской аристократии (письмо 24). С большим сочувствием говорит он о людях искусства, чье положение в крепостнической стране безысходно (образ художника Трудолюбова). В беспощадности критики всей системы власти и культуры крепостническо-бюрократического государства Крылов сближается с Радищевым. Эту идейную и тематическую близость с Радищевым в материалах «Почты духов» не раз отмечали исследователи, указывая и на сходство литературной манеры, что давало повод некоторым из них высказывать мнение по поводу участия Радищева в журнале. Однако последующие, весьма убедительные аргументы исследователей не подтвердили этого обстоятельства (1).

Близость крыловской сатиры к обличительному пафосу радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» можно увидеть и сравнивая письмо сильфа Выспрепара о посещении им столицы «великого Могола» с описанием царского сна в главе «Спасская полость». Говоря об идейной близости писателей, нельзя вместе с тем забывать, что, в отличие от радищевского, радикализм Крылова носил просветительский характер (сословное равенство, законность и развитие просвещения).

Крылов верит в силу слова, силу убеждения, и отсюда большая роль принадлежит в обществе тем, кто не боится сказать правду «сильным мира сего».

В своей художественно-публицистической прозе он выступает как талантливый писатель, создающий обобщенные образы приемами сатирического гротеска. Крылову свойственны язвительная ирония, умение давать яркие и наглядные зарисовки быта, меткие характеристики. Многие образы и темы «Почты духов» найдут свое развитие в басенном творчестве писателя. Крылов издавал журнал, когда ему было 20 лет.

В августе 1789 г. «Почта духов» прекратила свое существование не по воле издателя. Хотя подписчиков журнал имел мало, но истинной причиной было недовольство правительства резким обличительным тоном журнала. Не помогла и написанная из тактических соображений хвалебная ода Екатерине, помещенная в августовской, ставшей последней книжке.

В конце 1791 г. Крылов, Клушин, знаменитый актер Дмитриевский, драматург и актер Плавильщиков основали собственную типографию «Крылов с товарищи» и книжную лавку. В этой типографии печатались книги, афиши, а главное с февраля 1792 г. под редакцией Крылова и Клушина стал выходить новый журнал «Зритель», который сразу собрал 169 подписчиков, почти в два раза больше, чем «Почта духов».

В журнале были представлены разные жанры: очерки, теоретические, публицистические и критические статьи, стихи, повести и т. д. Основная направленность «Зрителя» - сатирическая и антидворянская. Значительная часть журнала заполнялась Крыловым, Клушиным и Плавильщиковым. Печатались в «Зрителе» и другие авторы. Но успех журнала был вызван прежде всего произведениями Крылова, сатирический талант которого с особой силой сказался в «восточной» повести «Каиб» и «Похвальной речи в память

моему дедушке, говоренной его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу». Помимо этих произведений Крылов напечатал здесь повесть «Ночи», «Мысли философа по моде», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков» и др.

Материалы в журнале носили национально-патриотический характер, редакторы обращались к «любезным россиянам» с программной статьей Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских». По-прежнему подвергаются резкому обличению галломанствующее дворянство, «модное воспитание» дворянских детей.

Одним из блестящих памфлетов в русской сатирической литературе является написанная в форме ложного панегирика «Похвальная речь в память моему дедушке». Именно прием пародийного панегирика, восторженной похвалы, произнесенной в честь так называемых добродетелей невежественного помещика-крепостника, вконец разорившего своих крестьян, придает сатирическому обличению особенную беспощадность. В тоне добродушного рассказа, исполненного сочувствия к своему «герою», повествуется о его деяниях, раскрывающих паразитизм, ничтожество, тупость и жестокость принадлежащего к избранному дворянскому сословию помещика Звенигорова, имя которого весьма выразительно. За всю свою жизнь он не прочитал ни одной книжки. Ведя в столице разгульную жизнь, Звениголов довольствовался тем, «что имя его знали наизусть во всех трактирах и кофейных домах». Беспробудный пьяница и бездельник, промотав отцовское состояние, оказывается в деревне, где, занимаясь псовой охотой, он окончательно разоряет крестьян поборами и барщиной.

Развивая реалистические тенденции в русской литературе, с наибольшей полнотой проявившиеся в сатирической прозе Новикова и драматургии Фонвизина, Крылов показывает, как среда и воспитание сделали из Звенигорова необузданного и жестокого крепостника. Уже с детства он был приучен к мысли, что дворянин может бить и мучить крестьян как угодно, они все вытерпят, тогда как собак надо остерегаться.

Смелая сатира «Зрителя» в период усиливавшихся репрессий правительства, антидворянский и антикрепостнический характер журнала очень скоро вызвали недовольство правительства, напуганного Французской революцией и ростом общественного подъема в стране. «Зритель» просуществовал с февраля по декабрь 1792 г. По приказу самой императрицы в типографии, где издавался журнал, летом был произведен полицией обыск, после которого за Крыловым и Клушиным (разыскивалось рукописное сочинение) было установлено наблюдение. И хотя «Похвальная речь» и «Каиб» были напечатаны позже, что лишний раз свидетельствует о смелости издателей, тем не менее издание «Зрителя» пришлось прекратить.

Следующий, третий журнал, издававшийся Крыловым и Клушиным, «Санкт-Петербургский Меркурий», значительно уступал в сатирической остроте двум предшествующим журналам, т.к. угроза полицейских преследований не исчезла. Первый номер журнала вышел в 1793 г. Издатели обращаются преимущественно к литературно-теоретическим темам, на смену сатири-

ческим очеркам приходят рецензии, стихи, большинство из которых принадлежит Крылову. Правда, в журнале появились две сатирические статьи Крылова пародийного плана: «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год» и «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей», явившиеся литературной полемикой с Карамзиным и лишенные политического содержания.

После закрытия «Санкт-Петербургского Меркурия» Крылов надолго перестает выступать в литературе, а его журналистская деятельность прекращается навсегда. Но ранние художественно-публицистические произведения писателя во многом предопределили развитие его басенного творчества в лане не только тематики, но и художественного метода.

Не принимая фальши в искусстве в любом ее проявлении, Крылов всем своим творчеством ратует за отражение правды жизни, приближаясь тем самым к утверждению реалистических начал в искусстве.

А.Н. РАДИЩЕВ (1749-1802)

Передовые тенденции в развитии русской общественной мысли и литературы, заложившие основы революционной идеологии в России и ускорившие процесс формирования реализма, нашли свое наиболее полное выражение в творческой деятельности выдающегося писателя, революционера, мыслителя Александра Николаевича Радищева. Он был первым русским писателем, связавшим литературу с освободительным движением и революционной мыслью. Надо было обладать большим мужеством, смелостью политической мысли, чтобы в реакционную пору екатерининского правления выступить с революционным призывом, обращенным к народу.

При жизни Радищева и после его смерти, вплоть до 1905 г., его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» находилось под запретом, а первое издание было беспощадно уничтожено. В 1807-1811 гг. сыновья писателя предприняли издание его сочинений, но о включении «крамольной» книги нечего было и думать. Не удалось и Пушкину опубликовать в «Современнике» в 1836 г. статью о Радищеве. Царская цензура боялась одного упоминания имени революционера.

Однако «потаенный» Радищев продолжал существовать. С уцелевших экземпляров снимались многочисленные рукописные копии (до нас, по подсчетам исследователей, дошло до 70 списков).

С детства Радищев знал крепостную деревню, будучи пожалован в пажы, он узнал придворную жизнь. Опыт русской действительной жизни и пять лет, проведенные за границей, необычайно расширили умственный горизонт будущего писателя. Поступая «по собственному произволению», он изучал не только юридические науки, но и литературу, естественные науки, слушал лекции на медицинском факультете, знакомился с новейшими философскими и политическими сочинениями.

Литературная деятельность Радищева началась в 70-х годах и была связана с интересом к историческим сочинениям. Так, 1772-1773 гг. он изучает «Повесть временных лет», которая впервые была издана Академией наук в 1767 г. под названием «Летопись Нестора».

Интерес к просветительской философии, к социально-политическим проблемам русской жизни обусловил обращение к сочинению Мабли, которое Радищев перевел под названием «Размышление о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков». Это было первое общественно-литературное выступление писателя (книга была издана Новиковым в 1773 г.), в котором проявилось его критическое отношение к псевдопросвещенному характеру русского самодержавия. Перевод он снабдил примечаниями политического плана.

В 1789 г. впервые анонимно была напечатана в «императорской типографии» книга Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» с приобщением некоторых пего сочинений. Всем своим произведением автор утверждает мысль о том, что сама действительность, жизненный опыт могут воспитать в человеке чувство собственного достоинства, способность к протесту против произвола и насилия. В этой книге сказалось критическое отношение к руссоистским теориям. Буржуазный индивидуализм Руссо чужд писателю. На всем протяжении своего творчества Радищев будет показывать зависимость человека от общества, связь с ним.

Написанное в традиционной форме жития, выбранной писателем не без умысла, произведение носит полемический характер и по отношению к житийной литературе. В центре внимания автора – реальные картины жизни русских в Лейпциге и образ Федора Ушакова, одаренного человека и гражданина. Поиски смысла жизни, социальной справедливости сочетаются со стремлением писателя передать психологию своих героев. Произведение написано смело, по-радищевски. Эта книга была расценена в России в реакционных кругах как непозволительная «дерзость».

Расцвет многосторонней творческой деятельности Радищева, который пишет и в прозе, и в стихах, падает на 80-е годы, время бурного подъема общественной жизни в Европе, революционных потрясений и обострения классовых противоречий в самой России. Раздумья писателя о судьбах русского народа и родины, его занятия историческими, философскими и экономическими проблемами (интерес к экономическим вопросам сказался в написанных им записках: «О податях Петербургской губернии», «О земледелии Петербургской губернии»), публицистический характер его художественного творчества, развивавшего лучшие традиции просветительской литературы, и общение с русскими прогрессивными деятелями подготовили создание Радищевым своих лучших революционных произведений – оды «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву».

В 80-е годы писатель работает над очерком «Слово о Ломоносове» – дань гению, которую отдали многие предшествующие и современные Радищеву писатели. Но в отличие от них, рассказывая о жизненной судьбе ученого и его национальных заслугах, Радищев воссоздает образ человека из наро-

да, творческий гений которого, соединенный с волей, силой характера, глубоким патриотизмом, является залогом возможностей и свершений в будущем русского народа. И недаром «Слово о Ломоносове» стало логическим завершением главной темы «Путешествия» - темы народа, его творческих возможностей, его права на завоевание свободы.

Понимая значение деятельности гениального преобразователя и реформатора, слава которого «есть слава вождя», писатель-революционер не может не упрекнуть Ломоносова за то, что тот «льстил похвалою в стихах Елисавете».

Впервые теория народной революции получает публицистическое и художественное воплощение в написанной Радищевым в 1781-1783 гг. оде «Вольность», отрывки из которой также были включены в «Путешествие». Судьбы родины и народа в центре внимания автора, передового человека, способного сопоставить факты и события исторические с современностью и прийти к обобщающим философским выводам о закономерности возникновения революции в России, народ которой способен ответить насилием на насилие. «Вольность» - произведение огромной поэтической и ораторской страстности, свидетельствующее о зрелости революционного мировоззрения писателя. Пафос оды – вера в победу народной революции, хотя исторически мысливший Радищев понимает, «не пришла еще година». Философское, публицистическое содержание оды находит соответствующие стилистические формы выражения. Традиционный жанр оды наполняется революционной патетикой, а употребление славянизмов, придающих торжественное звучание выражаемым идеям, лишь подчеркивает единство художественной формы и содержания. Успех оды был огромен, она распространялась в многочисленных списках и оказала воздействие на политические стихи Пушкина, написавшего свою оду «Вольность» вслед Радищеву, и поэтов-декабристов: Рылеева, Раевского и др. Своей открытой революционностью и ненавистью к самодержавию ода вызвала гнев императрицы: «Ода совершенно и явно бунтовская, где царям грозит плаху». Автор «надежду полагает на бунт от мужиков», - писала Екатерина.

Параллельно с работой над «Путешествием» Радищев пишет революционно-публицистическую статью «Беседа о том, что есть сын отчества» (1789), напечатанную в журнале «Беседующий гражданин». Рассуждая над тем, кто может быть удостоен звания истинного сына Отечества, писатель выдвигает основное условие: им может только «существо свободное». Отсюда он отказывает находившемуся в крепостной зависимости крестьянину в этом звании, отказывает с великой жалостью. Но сколь гневно звучит его обличение в адрес угнетателей, тех помещиков-крепостников, «мучителей» и «притеснителей», которые себя привыкли почитать сынами Отечества. В статье перед нами проходит целый ряд сатирических портретов злых, ничтожных, легкомысленных помещиков. Но кто же, кто достоин быть истинным сыном Отечества? И автор отвечает, что истинным патриотом может быть человек, исполненный чести, благородства, способный всем пожертвовать для блага народа, и если понадобится, если он будет знать, что «смерть его

принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью». Это одно из сильнейших политических выступлений писателя-революционера, требующего свободу народу.

Главную свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев начал писать с середины 80-х годов. Произведение стало целью его жизни. «Путешествие» поражает широтой охвата событий и лиц, остротой постановки и решения важнейших социально-политических, нравственных и философских вопросов времени. Множество лиц и событий проходит перед нами, проходят картины жизни людей разных сословий, русская действительность во всей ее противоречивой сложности, в ее общественном осмыслении. Сила воздействия книги – в авторской страстной заинтересованности в судьбах страны и народа. Нет спокойного повествователя, погруженного в мир собственных чувств и переживаний, а есть человек, гражданин, революционер, исполненный сочувствия к бесправным и негодования к угнетателям.

В посвящении А. М. К. – Алексею Михайловичу Кутузову писатель раскрывает замысел книги: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека. И часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы».

Радищев – «зритель без очков» - учит «прямо взирать» на действительность, ведь только тогда можно понять, что мешает «истинному блаженству».

Впервые в русской литературе основной темой книги стала тема народа и признание его главной движущей силой истории. Автор нарушил традиционный подход писателей к народу, в котором они видели прежде всего заботу и терпение, стремясь пробудить к нему чувство сострадания. Радищев тоже «соучастник» тех, кто был пленником в своем отечестве, но, показывая бедственное положение народа и обрушивая свой гнев на его притеснителей, писатель раскрывает в русском народе новые черты, вызывающие у путешественника чувство восхищения. Он показывает нравственное здоровье и физическую красоту, присущую русскому крестьянину, высокоразвитое чувство собственного достоинства, трудолюбие, талантливость, он раскрывает в народе дремлющие силы, способные вызвать сопротивление насилию.

Жестокая эксплуатация крестьян, произвол в самодержавно-бюрократическом государстве обусловили резкость сатирического обличения правящих классов в книге Радищева. Эпиграф к «Путешествию», взятый из «Тилемахиды» Тредиаковского, гласит: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»; «чудище» – это самодержавие, екатерининская монархия.

В одной из центральных глав «Спасская полесь» царь изображается жестоким деспотом, «одежды которого казались измараны кровью и измочены слезами». Встретившись с жертвой беззакония, путешественник с негодованием размышляет, как «в толь мягкосердное правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости?» Ответом служит «сон» путешественника, явившийся страстным памфлетом на всю ложь и фальшь екатерининского правления. Путешественник видит во сне, что он «царь, шах, хан, ко-

роль, бей, набаб, султан или какое-то сих название нечто, сидящее во власти на престоле». Вокруг монарха «с робким подобострастием» стояли «чины государственные», прославлявшие на все лады его «мудрое правление». Намек на правление Екатерины, хваставшейся своими «заслугами», был весьма прозрачен. Недаром ироническое перечисление «благ», содеянных монархом, вызывало злобу императрицы, написавшей на полях: «Враль. Страницы... покрыты бранью и ругательством и злодейским толкованием».

Во сне путешественник видит то, что хотелось бы ему увидеть в мудром монархе. Истина в образе женщины, «Неизвестной странницы», снимает с глаз монарха «толстую пелену», и последний видит все в истинном свете, негодуя на вельмож, дурных исполнителей законов. Однако прозрение монарха – утопия, и автор понимает это. «Властелин мира, - обращается путешественник к монарху, – если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкой или нахмуришь чело, ведай, что виденная мной странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

В главе «Торжок», помещая «Краткое повествование о происхождении правительством вольного книгопечатания, ибо оно боится, что «до внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину покров и обнажит ее состав... Истукан падет». Разоблачая самодержавную власть, Радищев не щадит и помещиков-крепостников, подвергающих бесчеловечной эксплуатации крестьян. Среди созданных им сатирических портретов – портреты вельмож, помещиков, тонко схваченный автором портрет ловкого и алчного купца – Карпа Дементьевича («Новгород»). Обобщенный образ вельможи возникает в главе «Завидово». Жестоким мучителем крестьян выступает из рассказа господина Крестьянкина – приятеля путешественника некий г. ассессор (глава «Зайцово»), который «зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных».

Глубоко сочувствуя крестьянству, которое для писателя-революционера является основой общества, Радищев, видя степень бесправия крестьян, восклицает: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, называться блаженным?».

Ужасную, бесчеловечную картину продажи крестьян с торга рисует автор в главе «Медное». Помещик продает своих крепостных «в розницу, разлучая родных». Среди продаваемых – кормилица молодого барина, старик, верой и правдой служивший своим господам, наставник помещика и другие несчастные жертвы. Картина типична для российской действительности этого времени, и как бы в подтверждение ее Радищев приводит сообщения из ведомостей, подчеркивающих документальность приводимых примеров. В «Московских ведомостях» часто печатались сообщения о продаже крепостных крестьян, причем подчас в одном объявлении с извещением о продаже недвижимого имущества, домашних животных и т.д.

Тема революции звучит во многих главах «Путешествия». Картины бесчеловечного отношения к народу, сознание социальной несправедливости вызывают у писателя страстные призывы к свержению власти крепостников.

Так как большая часть людей в самодержавном государстве «уподоблена тягловому скоту», бесправному, униженному, то беспрестанно оскорбляемый человек, «влекомый чувствованием сохранности своей, принуждается на выражение оскорбления» («Чудово»).

Жестокость и алчность помещика-«кровопийцы», о деяниях которого рассказано в главе «Вышний Волочок», вызывает гнев автора, призывающего ответить на насилие насилием.

Все, что видит путешественник на своем пути: дорожные встречи, наблюдения над жизнью разных сословий, заставляет его глубоко сочувствовать угнетенному народу и наполняет чувством непримиримой вражды к угнетателям, сознанием необходимости революционной борьбы за освобождение народа, борьбы самого народа. Революция возникает как неизбежный результат угнетения.

Открытый призыв к восстанию звучит и в главк «Городня», где идет исполненный драматизма рассказ о рекрутском наборе, о незаконной продаже в рекруты людей только потому, что их помещику «занадобились деньги на новую карету».

Автор верит, что настанет время, когда выйдут из народа новые люди и свобода придет не сверху – «от великих отченников», а снизу – «от самой тяжести порабощения», но он понимает, что еще «время не пришло». Историзм мышления, присущий Радищеву и вызванный осмыслением истории как закономерного процесса развития общества, подсказывал ему, и это отразилось в его книге, что революция в России свершится, но для этого нужно время.

Русская действительность, объективный исторический процесс и особенности русского национального характера – залог неизбежности революции. В способности народа к возмущению убеждает писателя и опыт пугачевского восстания. Однако он понимает, что стихийный характер восстания, как и его царистский уклон, не может привести к коренным изменениям русской действительности, к победе народа. В этом отношении сложной и вызывающей споры у исследователей является глава «Хотилов», в которой дается оценка пугачевского восстания и предлагается возможный проект будущих преобразований путем реформ. Не раз звучат в книге грозные предупреждения Радищева в адрес бесчеловечных властителей крепостных душ, предупреждения о неминуемом возмездии, когда рабы поднимутся «на погубление господ своих!». Необходимо, делает вывод автор проекта, освободить добровольно крестьян.

Основа «Путешествия» – призыв к революции, но Радищев знал, что победа возможна лишь через десятилетия, и поэтому вполне необходимы поиски решения самого большого вопроса – освобождения крестьян другими путями. Один из них – проект как попытка облегчить участь народа хотя бы на ближайшее время.

Народ – герой «Путешествия», общение с ним убеждает автора в его светлом будущем. Впоследствии, в своей работе «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», Радищев напишет о русском национальном ха-

рактуре: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский. О, народ, к величию и славе рожденный!».

В «Путешествии» много запоминающихся крестьянских персонажей, олицетворяющих те достоинства, которые раскрыл путешественник в народе. Это и пахущий крестьянин в главе «Любань», который в беседе с баринком держится с достоинством. Это и крестьяне в главе «Зайцово», проявившие солидарность и заступившиеся за жениха-крестьянина, мужественно боровшегося с насильниками. И матрос, героически спасающий гибнущих на море, («Чудово»), и глубоко привлекательный образ молодого человека, получившего по воле старого барина европейское образование, но оставшегося в крепостном состоянии. В силу своего развития он еще острее, мучительнее воспринимает весь ужас крепостнического существования, предпочитая ему рекрутчину. А как талантлив этот крепостной интеллигент!» («Городня»).

Воплощением нравственного идеала Радищева стал образ крепостной девушки Анюты из главы «Едрово». Естественную красоту и здоровье, благородство, чистоту чувств видит в своей героине путешественник. Скромность и гордость, строгость и нежность, способность глубоко чувствовать и умение рассуждать, необычайная искренность и цельность натуры – такова Анюта. И справедливо исследователи видят в ней прообраз некрасовских героинь.

Вместе с тем, следуя своему методу видения действительности, сей «зритель без очков» далек от идеализации. Порой он видит и среди крестьянок испорченных девушек, однако Радищев подчеркивает, что это результат «губительства неволи», результат развращающего влияния крепостнических отношений, и такие среди крестьянок – редкость.

Сильное впечатление производит контрастное изображение и связанные с ним рассуждения Радищева о девушках из крестьянских и дворянских семей, об их нравах и морали, порожденных окружающей средой. Нравственной и физической красоте крестьянок, отгороженных от развращающей цивилизации города, противопоставлены барышни, на которых наложили отпечаток ложь и безнравственность, свойственные дворянским кругам. Даже внешность дворянских барышень свидетельствует об этом: «на щеках румяна, на сердце румяна, на искренности... сажа».

Совсем иначе выглядит героиня Радищева, которой не коснулось развращающее влияние городской цивилизации. В ней заключен для писателя тот идеал народной красоты, рожденной самой природой, который стал для него эстетической нормой прекрасного.

В основе творческого метода писателя лежит показ русской действительности в ее социальном осмыслении. Знание жизни, стремление проникнуть в глубину социальных противоречий, широта охвата событий, освещенных передовым мировоззрением, делали «Путешествие» реалистической книгой. Авторскому замыслу подчинена и композиция книги: все происходит как в жизни, встречи с отдельными людьми, жанровые сцены и картины, наблюдаемые путешественником. Повествование прерывается своеобразными вставными новеллами, в которых герои рассказывают о себе, о своей судьбе.

Реализм содержания книги, социальная детерминированность характеров (человек – «существо общественное»), передовое мировоззрение автора дают возможность определить творческий метод Радищева как метод «просветительского реализма».

Вместе с тем Радищев писал в эпоху господства сентиментализма, и это не могло не отразиться на его книге. Ряд исследователей (Г.А. Гуковский, Д.Д. Благой, В.Н. Орлов и др.) видят в нем революционного сентименталиста. И действительно, антифеодальные тенденции, пристальное внимание к личности человека, его нравственным началам были характерны для писателя. Радищев все увиденное пропускал через призму своего авторского «я», что способствовало выражению непосредственных чувств автора. Его сентиментализм имел действенный, протестующий характер. Жанр «Путешествия» был характерен для писателей-сентименталистов, и в России особой популярностью пользовалось «Сентиментальное путешествие» Стерна. (Радищев прочел его уже во время работы над своей книгой.) «Путешествие» Радищева отличалось от книги Стерна прежде всего различным подходом к тому, что стало предметом изображения.

Если у Стерна на первом месте занятисть собственным «я», собственными эстетическими и эмоциональными переживаниями, то у Радищева – внимание обращено к реальной жизни страны и народа, нравственным, социальным, экономическим проблемам, требующим разрешения. Радищевскому «Путешествию» были свойственны также и «чувствительность стиля», и эмоциональная насыщенность, которая стилистически выражалась в авторских вопросах, восклицаниях, лирикопублицистических отступлениях. От писателей-сентименталистов Радищева отличал «социальный характер эмоций», выражающихся в сочувственном отношении к народу и сатирическом обличении виновников его бедствий, что придавало книге ярко выраженный публицистический, революционный характер.

Возмущение, гнев, призыв к протесту – таков характер эмоций автора. Не замыкаясь в кругу своих переживаний, он дает революционную оценку действительности («Зайцово», «Медное», «Пешки», «Вышний Волочок» и др.).

Стиль «Путешествия» сложен и неоднороден. В книге нет стилистического единства, стиль писателя зависит от того, что становится предметом его изображения.

Авторское повествование, публицистические отступления требовали иной лексики, иного синтаксического построения фразы, нежели язык персонажей, с которыми встречается путешественник. Крестьяне, новгородский семинарист, купец в главе «Новгород», крепостной интеллигент в «Городне», подьячий в «Тосне» и другие персонажи говорят языком, соответствующим их социальному положению, их профессии. Речевая характеристика персонажей определяет стремление Радищева к созданию реалистических характеров. Однако, реалистически воспроизводя действительность, писатель все же не создал глубоко типизированных характеров со всей их противоречивой

сложностью, глубиной психологизма и сам, чувствуя это, называл рисуемые им характеры «силуэтами».

Основная стихия речи писателя-публициста – патетический высокий слог ораторской прозы, который достигается благодаря употреблению архаизированной, церковно-окрашенной лексики. Это было вызвано агитационными, пропагандистскими целями, которые преследовал своей книгой автор. Из «Слова о Ломоносове» мы знаем, что в стиле своем Радищев стремился следовать основам национального русского языка, заложенного Ломоносовым. Гневные обличения, страстные призывы требовали употребления славянизмов, что приводило часто к затрудненности языка, излишней архаизированности речи. Стилистическую пестроту своего произведения чувствовал и сам писатель.

«Путешествие» вышло в конце мая 1790 г. и тотчас приобрело известность. Вскоре о книге узнала и Екатерина. Возмущенная императрица испещрила книгу пометками, ничего хорошего для автора не предвещавшими. По мнению Екатерины, произведение было наполнено «самыми вредными умствованиями, нарушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремившимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников, начальства, наконец, оскорбительными выражениями против сана и царской власти». Она приказала тотчас учинить следствие. 30 июня 1790 г. Радищев был арестован.

Сенат приговорил писателя к смертной казни. Месяц и 11 дней ждал он смертного приговора. В крепости Радищев пишет повесть о Филарете Милостивом, несущую черты автобиографизма.

Екатерина соизволила смертный приговор заменить ссылкой в Сибирь, боясь общественного мнения. И в далекой сибирской ссылке Радищев оставался верен себе.

В Илимске Писатель напряженно работает, чему немало способствовала и поддержка Воронцова, снабжавшего его новыми книгами, журналами, необходимыми вещами, деньгами. Радищев изучает экономику края, природу Сибири, ее историю («Письма о Китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», прозаический отрывок из поэмы «Ермак»), занимается хозяйственными делами, обучает грамоте местных ребят. Здесь же работает он над философским трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», который был издан в 1809 г. Несмотря на некоторую противоречивость и элементы деизма, трактат написан в материалистическом духе. После смерти Екатерины, в 1796 г., Павел I приказал переменить место ссылки. Радищев живет теперь с детьми под Москвой. Вступивший на престол Александр I освободил писателя и, по рекомендации Воронцова, предложил ему принять участие в Комиссии по составлению новых законов. Вскоре Радищев убедился в лицемерии Александра, в лживости его либерализма.

Радищев не видел выхода из создавшегося положения, и в ночь с 11 на 12 сентября 1802 г. его не стало. Последние слова писателя: «Потомство за меня отомстит».

В линии преемственности революционной мысли Радищев выступает первым «прорицателем вольности». Книги его были грозным оружием, направленным против самодержавия, рабства и крепостничества. Недаром Екатерина увидела в нем страшного врага монархической власти, назвав его «бунтовщиком хуже Пугачева», который «книгою или иначе хочет исторгнуть скипетры из рук царей». Будучи одним из идеологов русского Просвещения, Радищев сумел преодолеть историческую ограниченность просветительства, выдвинув идею народной революции.

Пушкин глубоко ценил Радищева – писателя и человека, он посвятил ему статью, правда во многом критическую, но и ее цензура не разрешила опубликовать в «Современнике». Когда А. Бестужев в обзоре русской литературы за 1823 г. («Взгляд на старую и новую словесность в России») не упомянул Радищева, Пушкин писал: «...Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно...».

В 1858 г., спустя 68 лет после уничтожения первого издания, А.И. Герцен предпринял в Лондоне в Вольной русской типографии второе издание «Путешествия из Петербурга в Москву». В предисловии к изданию Герцен писал о преемственности идей Радищева последующими поколениями: «А. Радищев смотрит вперед. Его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце».

Н.М. КАРАМЗИН (1766-1826)

С именем Николая Михайловича Карамзина связано утверждение в 90-х годах XVIII в. нового литературного направления. Знакомство с лучшими произведениями западноевропейского сентиментализма (Стерна, Руссо, Гете и др.) не умалило творческой самостоятельности Карамзина, принесшего в прозу и поэзию свою авторскую индивидуальность. В 90-х годах сентиментализм писателя, несмотря на либерально-дворянскую ограниченность его мировоззрения, был явлением прогрессивным. Признание внесловной ценности человека, внимание к его частной жизни, миру чувств и переживаний – все это, овеяно глубоко гуманным чувством автора, не могло не привлечь читателя, который учился сопереживать, сострадать героям произведений Карамзина.

Недолгая военная служба в Петербурге после окончания пансиона, затем – выход в отставку. Знакомство с известным масоном И.П. Тургеневым, обратившим внимание на одаренного юношу, оказалось важным событием в жизни писателя. В Москве Тургенев познакомил его с Новиковым, членом кружка которого стал Карамзин. Пребывание в кружке не прошло бесследно для писателя. На протяжении всей жизни ему удалось сохранить независимую позицию по отношению к правительственной власти. И хотя крепостни-

чество и самодержавие были незыблемы для писателя, он неизменно испытывал враждебное отношение к деспотизму, жестокости и невежеству дворянского сословия. Вместе с Петровым, ставшим его другом, Карамзин редактирует издаваемый Новиковым журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789). Несмотря на близость к масонам в этот период, он остается чужд их мистическим взглядам. Карамзин оптимистически смотрит на будущее в надежде на мирный постепенный прогресс, который улучшит состояние общества. Беседы с Петровым о европейской поэзии, философских теориях немало способствовали выработке Карамзиным нравственного идеала.

В «Детском чтении» Карамзин печатает переводы сентиментальных произведений, пользовавшихся европейской известностью. Несмотря на близость к Новикову в этот период и определенное влияние просветительских идей, Карамзину были свойственны умеренно-либеральные взгляды на действительность и жизнь общества. Проблемы, которые ставила жизнь, решались им не в социальном, а в нравственно-этическом плане.

Начав свою литературную деятельность с переводов, Карамзин способствует популяризации у русского читателя произведений Шекспира, Лессинга и др.

Стремление к более обширным историческим, философским знаниям, к европейской образованности привело писателя к осуществлению своей давней мечты – поездке за границу, которую он осуществил в 1789 г.

Карамзин посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Его путешествие длилось 18 месяцев, обогатив молодого писателя множеством разнообразных впечатлений политической и культурной жизни европейских стран, которые нашли отражение в написанных по возвращении в Россию «Письмах русского путешественника» (1791). Именно с этого времени и развернулась литературно-критическая, издательская деятельность Карамзина, о которой Белинский писал, что он «был для своей эпохи всем: и реформатором, и теоретиком, и практиком, и стихотворцем, и прозаиком, и поэтом, и журналистом... был первым критиком, и, следовательно, основателем критики» (1).

По возвращении из-за границы Карамзин приступает к изданию журнала, первая книжка которого вышла 1 января 1791 г. В объявлении о подписке на «Московский журнал», напечатанном в приложении к 89-му номеру «Московских ведомостей» за 1790 г., издатель писатель писал: «Журналу надобно дать имя, он будет издаваем в Москве, и так имя готово – «Московский журнал». Здесь же он подчеркивал, что его задача – «доставить удовольствие читателям». В программе «Московского журнала» Карамзин заявлял, и это свидетельствовало о расхождении его с масонами, что он отказывается печатать «теологические, мистические, слишком ученые, педантические сухие статьи». Однако, отойдя от масонства еще до отъезда за границу, мистическое направление которого было всегда чуждо Карамзину, он в 1792 г., во время разгрома масонов правительством, напечатал в своем журнале оду «К милости» в защиту Новикова. Писатель всегда высоко ценил просветитель-

скую деятельность Новикова, сохранив к нему до конца дней своих глубокое уважение. «Московский журнал» издавался ежемесячно на протяжении 1791-1792 гг., 12 книжек в год, соединенных в 4 части. Всего вышло 8 частей журнала, переизданного в силу успеха у читателей в 1801-1803 гг.

Издание Карамзина было изданием нового типа, в котором публиковались произведения оригинальные и переводные, отличавшиеся высоким эстетическим вкусом. Впервые в журнале появился регулярный отдел критики, библиографии, смеси.

Самым обширным был отдел «Русских сочинений в стихах и прозе», в котором большая часть произведений принадлежала самому издателю. Здесь были напечатаны такие произведения Карамзина, как «Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», очерк «Деревня», стихотворения, театральные рецензии, разборы русских и иностранных книг и т.д. Среди переводных произведений – переводы Виланда, Гердера и др. Самым главным для успеха журнала у читателей издатель считал «разнообразие» и «хороший выбор сочинений». Он стремился публикацией материалов в журнале способствовать нравственному и эстетическому воспитанию читателей. До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: «он первый дал нам его» (2).

«Московский журнал» сразу же был принят читающей публикой. Он имел 300 подписчиков. В журнале публиковались произведения Державина, Дмитриева, Хераскова и др.

«Московский журнал» был литературным журналом, рассчитанным прежде всего на вкусы дворянского читателя. Однако разнообразный материал, поданный живо и занимательно, легкий, изящный язык, явившийся отличительной чертой журнала, сделали его доступным и для людей низших сословий. Карамзин сознательно отказался от обращения к политическим вопросам, он предпочитал не вступать в полемику, в частности, с сатирическими журналами, которые неодобрительно отнеслись к новому изданию сентиментального направления. «Учтивость, приветливость есть цвет общежития», – считал он и придерживался этого правила.

Одновременно и не без влияния «Московского журнала» издается «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791-1793) под редакцией В.С. Подшивалова (с 5-й части). Журнал выходил в качестве приложения к «московским ведомостям». Среди авторов – Капнист, Муравьев и др.

С 1791 по 1798 гг. выходит журнал «Приятное и полезное препровождение времени», издаваемый тем же Подшиваловым и Сохацким. Журналы испытывали влияние «Московского журнала» и карамзинской сентиментальной прозы.

На страницах «Московского журнала» Карамзин выступает с новым обоснованием задач искусства. В критических статьях, театральных рецензиях он отвергает условность и нормативность классицизма, извечного «нравоучительного педантизма».

В понимании задач искусства Карамзин разошелся с просветителями, критически относившимися к «мерзостям русской жизни». Он требовал от

искусства распространения изящного: «Выражение чувства (или ощущения) посредством изящных мыслей есть цель поэзии».

Сознательно отказываясь изображать отрицательные явления жизни, бедственное положение народа, издатель оправдывает это тем, что щадит «чувствительное сердце моего читателя».

«Московский журнал» способствовал утверждению нового направления в искусстве – сентиментализма. Основой сентиментализма Карамзина был философский сенсуализм Локка. Чувство противопоставлялось разуму, свойственному классицизму.

Проза и поэзия Карамзина, его библиографические обзоры, рецензии, литературно-эстетическая позиция журнала способствовали образованию вкуса читателя.

Березина в статье «Карамзин-журналист» пишет о тех чертах, которые дают возможность считать его родоначальником «настоящего журнала». «Эти черты следующие: 1) определенное твердое направление, 2) строгий отбор произведений для печати с учетом общего направления издания, 3) разнообразие материала, его познавательный характер, 4) чувство современности, 5) постоянные отделы и рубрики, 6) хорошая постановка отдела критики, 7) чистый литературный язык, 8) умение говорить с читателем «увлекательно», «занимательно и живо» (1).

Карамзину принадлежал и первый литературно-общественный журнал «Вестник Европы» (1802), положивший начало русской журналистике XIX в. «Вестник Европы» во многом определил тип толстых журналов нового столетия, ставивших политические вопросы. В журнале были отделы «Литература и смесь» и «Политика». Журнал выходил 2 раза в месяц, и это дало возможность Карамзину быстрее сообщать новости литературные и политические.

В сравнении с «Московским журналом» в «Вестнике Европы» отсутствовал отдел критики. Сам Карамзин объяснял это «неприятностью иметь дело с беспокойным самолюбием людей» и тем, что «мы еще не Крезы», т.е. бедностью литературы, а критика вообще может отбить охоту писать. Как и «Московский журнал», «Вестник Европы» пользовался большим успехом у читателей. Отсутствие отдела критики в «Вестнике» было восполнено хорошо поставленным отделом литературной критики в журнале Макарова «Московский Меркурий».

С Карамзина начинается и такой тип издания, как альманахи. В 1794 г. он издал первую книжку альманаха «Аглая», который представлял собой литературный сборник, составленный из произведений прозаических и стихотворных. Здесь же помещались статьи по вопросам литературы и искусства. В 1795 г. была издана вторая книжка. Успех у читателей вызвал необходимость переиздания альманаха в 1796 г. (обе книжки). Следующий альманах – «Аониды» был стихотворным (1796, 1797, 1799). В нем напечатали свои произведения многие авторы, близкие по своим литературным взглядам Карамзину.

Эстетические принципы писателя, легшие в основу его прозы, нашли отражение и в программных произведениях, и в теоретических статьях. По мнению Карамзина, чувство, а не рационалистическое задание, свойственное поэтике классицизма, должно преобладать в произведении. Изображая жизнь человека со всеми радостями и горестями, передавая его интимные переживания, писатель должен уметь «трогать наше сердце», «наполнять его горестными или сладостными чувствами», вести читателя к нравственному совершенству.

Крупнейшим произведением писателя явились «Письма русского путешественника», которые частями печатались в 1791-1792 гг. в «Московском журнале». В них проявились особенности его творческого метода, его эстетических принципов.

«Письма», передающие непосредственные впечатления Карамзина о странах, которые он посетил, отличаются свободной композицией, где перемежаются объединенные воедино личностью автора разнообразные картины политической и культурной жизни западных государств, царящих там нравов и обычаев; встречи писателя с известными философами, литераторами, государственными деятелями. В книге много философских и нравственно-этических размышлений самого автора, вызванных увиденным и услышанным.

Исследователь произведения В. Сиповский, говоря о жанре писем, характерном для писателей-сентименталистов, отмечал, что это была литературная обработка дневниковых записей, которые вел Карамзин за границей, дополненная материалом, почерпнутым из книжных источников. «Письма» же были написаны в Москве, но автору удалось создать иллюзию непосредственно написанных писем к друзьям. Произведение и открывается эмоциональным обращением: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!» Это говорит о большом мастерстве Карамзина-прозаика.

Будучи энциклопедически образованным человеком, Карамзин с большой тонкостью передает все увиденное за границей, избирательно относясь к огромному потоку нахлынувших впечатлений. И хотя все увиденное пропущено через авторское «я», писатель выходит за рамки субъективных переживаний и наполняет письма множеством обширных и конкретных сведений о культуре и искусстве, географии и быте посещаемых им стран.

Книга Карамзина расширяла представления и круг знаний русского читателя. Познавательная ценность книги, высокие благородные чувства, ею пробуждаемые, делали «Письма» популярными не только у русского, но и у европейского читателя.

В книге читатель встречается множество имен крупнейших писателей и философов, многим из которых автор дает характеристики, воссоздает их портретный облик. Здесь имена Ричардсона, Стерна, Шекспира, Гете, Шиллера, Лессинга, Гердера, Руссо и других писателей и мыслителей; имена знаменитых художников: Рафаэля, Рубенса, Ван Дейка и мн. др.

Карамзин передает беседы на философские, эстетические темы, которые он ведет с Лафатером, Виландом, Гердером. Из этих бесед вырисовываются философские и общественно-политические взгляды самого автора. Называя Монтескье «автором бессмертной книги о законах», расточая дифирамбы Руссо, Карамзин предпочитает тем не менее радикализму французских материалистов религиозно-моралистическую натурфилософию Лафатера.

Созерцание природы, к описанию которой так часто обращается автор, очищает человека, и Карамзин возносит благодарность Богу за возможность жить в общении с природой.

Необычайно интересны его письма из Англии, в которых содержатся наблюдения над разными сторонами жизни и нравов англичан. Так, рассказывая о чопорном самодовольстве английских буржуа, которые считают бедность пороком, всячески скрывая ее, автор описывает лондонские дома «с подземельною частию», где в темных горницах ютятся слуги и бедный люд. Его интересует и суд присяжных, и лондонская тюрьма. Карамзин без сожаления расставался с Англией, ему претило надменное отношение англичан к другим народам.

В письмах много рассказано о культурной жизни Лондона. Большой интерес представляют наблюдения писателя над игрой актеров в театре, свидетельствующие об эстетическом вкусе автора и его знании театра.

Внимание Карамзина привлекает английский парламент. Несмотря на одобрительное отношение к английской конституции, к парламенту, писатель весьма иронично вскрывает истинный характер парламентских порядков. Так, из 558 членов парламента «налицо не бывает никогда и трехсот. Едва ли 50 человек говорят когда-нибудь; все прочие немые; иные, может быть, и глухи...».

Посещение Карамзиным Англии, Франции, Швейцарии натолкнуло его на размышления над явлениями политической жизни этих стран. Сочувственно относясь к европейской свободе и демократии, восторгаясь республиканскими порядками в Швейцарии, благосостоянием швейцарских крестьян, он воздерживается от признания возможности установления этих институтов в России.

Особенно характерно для определения социально-политических взглядов писателя его отношение к Французской революции. При первой публикации «Писем» в журнале (1791-1792) автор обрывает их там, где должен следовать рассказ о Париже, в который въезжает путешественник в тревожные месяцы 1790 г. Карамзин опубликовал письмо от 11 апреля 1790 г., в котором дается отрицательная оценка событий Французской революции, только при четвертой публикации книги, т.е. в 1801 г. Это говорит о том, что вначале писатель более сдержанно отнесся к разразившимся событиям. Дальнейшее развитие революции, якобинская диктатура во Франции испугали Карамзина, считавшего, что «всякие насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»; «легкие умы думают, что все легко, мудрые знают опасность всякой перемены, и живут тихо».

Автор убежден, что только те изменения прочны, которые достигаются посредством медленного, постепенного развития просвещения, успехами разума и воспитания. В издании «Писем» 1797 г. он называет восставших «нищими празднолюбцами», «пьяными бунтовщиками». Осуждая якобинскую диктатуру, он считает революцию нарушением установившегося порядка и подчеркивает, что «всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку».

Наблюдая европейскую жизнь, Карамзин размышляет, сопоставляет Россию с Западной Европой. Он все время думает о родине, которую горячо любит.

«Письма» овеяны глубоким лиризмом и эмоционально насыщены. Поэтически описанная природа вызывает у самого автора неизъяснимое волнение и счастье бытия. Люди, близкие природе, добры, чисты, способны на глубокие чувства. В природе видит писатель, и в этом сказывается его идеалистическое мировосприятие, проявление божественного начала. Для Карамзина характерно изображение пейзажа в соответствии с настроением созерцающего его человека.

Лирические отступления, поэтические описания природы, тонкий юмор, эмоциональная насыщенность стиля, особый интонационный строй, создающий настроение, делали «Письма» глубоко художественным произведением, отразившим воззрения и эстетические принципы писателя, утверждавшего на практике торжество нового литературного стиля.

«Письма русского путешественника» стали известны в европейских странах. Книгу перевели на немецкий, французский, английский, польский и голландский языки.

Литературная деятельность Карамзина пользовалась на рубеже столетий большим успехом у читателей и литераторов, вызвав множество подражаний и в прозе, и в стихах. Разные по степени одаренности писатели-сентименталисты усугубили в произведениях чувствительность, доведя ее до приторного жеманства и слезливости, к чему неодобрительно относился и сам Карамзин. «Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности», - писал гоголь. Размножились «Путешествия», утратившие эстетическое и познавательное значение «Писем» Карамзина, появилось множество повестей, авторы которых эпигонски подражали «Бедной Лизе».

И хотя проза и поэзия Карамзина скоро устарели – в них «все чуждо нашему времени» (Белинский), тем не менее для своего времени и для развития последующей русской литературы, литературы пушкинского времени, творчество писателя сыграло важную роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская литература и журналистика рассматриваемого периода явились важным этапом в жизни русского общества XVIII столетия, в становлении его духовной культуры, его национального самосознания.

Параллельно с развитием литературного процесса идет становление и развитие периодической печати. Наряду с первой газетой «Ведомости», сатирическими журналами Сумарокова, Новикова, Крылова появляются и первые научно-популярные, а затем и литературные журналы, количество которых увеличивается и влияние на формирование общественного мнения увеличивается со второй половины века.

Русская прогрессивная журналистика характеризуется глубоко враждебным отношением к абсолютной власти, произволу и беззаконию помещиков и чиновников, сочувственным отношением к закрепощенному крестьянству. Она несла читателям-современникам и читателям последующих поколений идеалы гражданственности, патриотизма, высокой нравственности и гуманности.

Рассмотренный процесс развития русской литературы и русской общественной мысли подготовил дальнейший бурный и блестящий расцвет литературы и публицистики последующего столетия. Определяющей тенденцией в развитии литературы было усиление ее связи с жизнью, вызревание реалистических тенденций.

С середины XVIII столетия многие произведения русской литературы были переведены на иностранные языки и стали известны зарубежному читателю. В это время русская литература начинает входить в русло литературы общеевропейской.

XVIII век – век развития в литературе, публицистике, журналистике просветительской мысли, которая в 90-х годах, в период наибольшего расцвета радикализма, порождает революционное творчество Радищева, положившего начало связи русской литературы с освободительным движением. От Радищева тянутся нити к декабристам, Герцену, революционным демократам 60-х годов, глубоко осознавшим преемственность революционных традиций.

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия «История русской журналистики» включает в себя образцы публицистических текстов XVIII, входящих в программу курса истории русской журналистики для факультетов и отделений журналистики высших учебных заведений.

Отбор текстов определялся их значимостью, а в отдельных случаях труднодоступностью.

Хрестоматия дает возможность студенту оперативно следить за ходом лекционного курса, готовиться к практическим занятиям.

Следует иметь в виду, что Хрестоматия многие тексты представляет в отрывках или с сокращениями. Поэтому наличие Хрестоматии не исключает чтения программных произведений в полном объеме по собраниям сочинений русских писателей, критиков и публицистов. Их чтение поможет формированию профессиональных навыков, поскольку они являются законченными самостоятельными произведениями политического и художественного значения. В конце текстов указаны год и место первой публикации произведения.

Материалы хрестоматии сопровождаются краткими примечаниями, которые носят обучающий характер. Примечания, сделанные авторами текстов, включенных в хрестоматию, обозначены знаком*. Примечания, сделанные составителем отмечены цифрами и отнесены к комментариям по каждому автору. Названия, данные составителем или исследователями, заключаются в угловые скобки, сокращения обозначены знаком <...> Правописание для текстов XVIII в. сохранены некоторые особенности старой орфографии.

Первая русская печатная газета «Ведомости» (1703-1727)

2 января 1703 года

На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. Гоубицы бомбом пудовые и полупудовые. Мартиры бомбом девяти, трех и двухпудовые и меньше. И еще много форм готовых великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женски полу 386 человек.

Из Персиды пишут: Индейский царь послал в дарах великому Государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству.

Из Сибири пишут: В Китайском государстве езуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены.

Из Олонца пишут: Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих <...>

На Москве, 1703, генваря в 2 день.

20 июля 1708 хода

Донской казак, вор и богоотступник Кондрашка Булавин¹ умыслил во украинских городах и в донских казаках учинить бунт. Собрал к себе несколько воров и единомысленников и посылал прелестные письма² во многие города и села, призывая к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж воры и все донские казаки иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали. И собравшиеся многолюдством, ходили под города и в села для разорения и призывания иных в свое единомыслие, и того ради царское величество указал послать свои войска под командою господина Долгорукова, дабы того вора Булавина поймать и злый их воровский совет разорить. И ныне по письмам из полков и городов подлинно ведомость получена: что они, воры булавинцы, не во едином месте многие, а главнейший его товарищ вор Стенька Драной во многом своем собрании убит и единомысленников их не малое число побито. Также и под Саратовом и Азовом посланные воровские его товарищи, с немалым собранием побиты, и видя

¹ Булавин, Кондратий – руководитель народного восстания 1707 г. на юге России. Восстание вспыхнуло в ответ на попытку правительства Петра 1 вернуть с Дона беглых людей, т.е. крестьян, рабочих, дезертиров-солдат, скрывавшихся от непомерных царских налогов, гнета крепостников и офицеров. Летом 1708 г. восстание было подавлено. Булавин застрелился.

² Прелестные письма (от слова прельщать) - тексты, подобные листовкам, прокламациям.

он, Булавин, что не может от войска царского величества уйти, убил сам себя до смерти. А единомысленники его многие побиты, иные же переловлены и сидят окованы. А донские казаки всех городов принесли повинные. И ныне милостию божиею то Булавина и единомысленников его воровство прииде во искоренение. А в которых числах и где и сколько их воров побито и переловлено, и то объявлено будет впредь.

На Москве, лета господня 1708, нуля в 20 день.

2 июля 1709 года

Из лагару от Полтавы в двадцать седьмый день июня, в письме власныя руки³ его царского величества ко благороднейшему государю царевичу писано:

Объявляю Вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволили с малою войск наших кровию таковым образом.

Сего дня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пешею отаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однакоже принуждена была уступить токмож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагару, против которого тотчас всю пехоту из стран-жемент⁴ вывели, и перед очи неприятелю поставили. А конница на обоих фланках. Что неприятель увидя, тотчас пошел отаковать нас. Против которого наши встречу пошли, и тако оного встретили, что тотчас с поля збили, знамен и пушек множество взяли. Також генерал фелтмаршал господин Рейншилт, купно с четырьмя генералами, а имянно Шлиппенбахом, Штакенберхом, Гамольтоном и Розеном, також первый министр граф Пипер с секретарями Емерлином и Цидергермом в полон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, о чем подробну вскоре писать будем, а ныне за скоростию невозможно. И единым словом сказать, вся неприятельская армия фаэтонов конец восприяла⁵. А о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы нашими обретається. А за достальными розбитыми неприятельми посланы господа генералы порутчики, князь Голицын и Боур с конницей. И о сей у нас неслыханной новине воздаем мы должное благодарение победодателю богу, а вас и господ министров и всех наших сею викториею поздравляем.

Приведен еще князь Виртельбергской, сродственник самого короля шведского.

Получено и печатано в Москве 1709-го, нуля в 2 день.

Ведомости времени Петра Великого.
М., 1903. Вып. 1. С. 3; Вып. 2. С. 5, 24-25.

Первая русская печатная газета «Ведомости» организована на основании указов Петра I в декабре 1702 г. Пробные номера «Ведомостей» были выпущены 16 и 17 декабря, но не сохранились в печатном виде, со 2 января 1703 г. «Ведомости» начали выходить более или менее регулярно.

Газета издавалась в Москве и Петербурге одновременно. До 1710 г. она печаталась церковнославянским шрифтом, с 1710 г. - частично гражданским шрифтом, а с 1715 г. новый шрифт окончательно вытеснил церковнославянский. Носила преимущественно

³ Власный – собственный.

⁴ Странжемент – испорч. ретраншемент, т.е. внутренняя оборонительная ограда.

⁵ Фаэтонов конец — Фаэтон (греч. пылающий) в древнегреческой мифологии сын бога солнца, не справившийся с огненной колесницей отца и убитый молнией Зевса.

информационный характер. «Ведомости» выходили тиражом 150-4000 экз. и продавались, а иногда «выдавались пароду безденежно».

Редактором ряда номеров ее был Петр I, первыми литературными сотрудниками – Борис Волков и Яков Синявич.

В 1728 году издание «Ведомостей» было передано Академик наук, газета выходила под названием «Санкт-Петербургские ведомости».

М.В. ЛОМОНОСОВ (1711-1765)

Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии

Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскивание истины <...>

Журналы могли бы <...> очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля – для того, чтобы иметь в виду одну только истину <...>

Вот правила, которыми, думается, мы должны закончить это рассуждение. Лейпцигского журналиста и всех подобных ему просим хорошо запомнить их.

1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах, и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения – значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них, как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая – те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликова-

ния людьми, соединенные познания которых, естественно, должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить то, что скажешь, для того чтобы быть в состоянии, если потребуется, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, то малейшие упущения и невнимательность могут повести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это – нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последними мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергнуть в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, хотя не в том заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уж он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценностях своих суждений. Ввиду того, что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно неправ, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставять на свет его несостоятельность.

*Ломоносов М. В. Избр. произв. В 2 т.
М., 1986. Т. 1. С. 217-218, 225.*

М.В. Ломоносов был тесно связан с русской журналистикой как организатор и литератор. Кроме того, ему приходилось как публицисту и ученому отстаивать труды отечественных ученых, собственные научные открытия от искажения их зарубежными рецензентами. В 1754 г. Ломоносов написал на латинском языке (как тогда было принято) «Рассуждение об обязанностях журналистов...» в ответ на ряд рецензий с необоснованной критикой его работ по физике в немецких изданиях 1752-1754 гг. Не ограничиваясь изложением специальных научных проблем, Ломоносов затрагивает в статье вопрос о правах и обязанностях журналистов, этике научных публикаций, говорит о большой ответственности журналиста при рецензировании научных трудов.

Статья Ломоносова была напечатана в 1755 г. при содействии немецкого ученого Л. Эйлера на французском языке в научном амстердамском журнале без подписи автора; на русском языке впервые опубликована в «Сборнике материалов для истории Академии наук в XVIII веке». (СПб., 1865. Ч. 2).

Н.И. НОВИКОВ (1744-1818)

Ведомости

Из К р о н ш т а д т а

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur¹ из Руана в 18 дней; 2. Vetilles² из Марселя в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бохромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненные и нечиненные, булавы разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как ш: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

* * *

Молодого Российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

П о д р я д ы

В некоторое судебное место потребно правосудие до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться, могут явиться в оном месте.

П р о д а ж а

Недавно пожалованной воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

Сатирические журналы Н.И. Новикова.
М.; Л., 1951. С.63-64

Рецепт для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не устаивает их наклоном своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле расprostируются. Он тогда думает: Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора. В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*.

Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем, что насилию могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благославляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудной! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою, во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком. Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братья у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете щастию, ради того, что они в своем звании благополучны; то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки господа, господа – отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающим нужное подчинение в несносное иго рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я господин, они мои рабы; я человек, они крестьяне*. От сей вредной болезни

Рецепт:

Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 135-136.

Копия с отписки

Государю Григорию Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господской мы получили, и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ, сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ, шестьдесят один рубль семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублей четыре гривны, на деревенских тринадцать рублей сорок девять копеек, да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли; крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилию могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как позволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сел, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клетки за три рубли за десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем; миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки; без скотины, да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладеваемой у нас *Нахрапцовым* земле, прикажи ходить за делом¹: он нас раззоряет, и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу

твоему господскому собрано тридцать рублей, и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. *Нахраниц*ов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян, в самую рабочую пору; и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублей, воз хлеба, да пять возов сена. *Нахраниц*ов попался нам по дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму. Секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин доброй, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось либо он за нас вступится и секретаря уймёт, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступишь, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем раззорят и *Нахраниц*ов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невмоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже невмочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все вконец разоримся; неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресение, и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублей с полтиною; да на две избы, по пяти рублей за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки на то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался, и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: *я де это сказал с глупости*, и напередки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся рабы твои староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 141 — 142.

Копия с другой отписки Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит' остальных, только мне взять негде, остался с четверыми робятишками, мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем; над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность; им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришлось последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал: нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришлось пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить, и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться, и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынче на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет, и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы, и дашь исправиться, так и я опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут робятишки, так я и доброй бу-

ду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я сирота твой и с малы-ми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, госу-дарь наш, Григорей Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как пришло невмочь, так ты над нами сми-луйся; наше дело крестьянское, у ково нам просить милости, как не у тебя. У нас в кре-стьянстве есть пословица, *до бога высоко, а до царя далеко*, так мы таки все твоей мило-сти кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать кляченку и от оброка на год уво-лить, мне без того никак подняться невозможно; ты сам, родимой, человек умной, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братьи крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 155-156.

Копия с помещичьего указа

Человеку нашему Семену Григорьевичу!

Ехать тебе в*** наши деревни, и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь за счет старосты Анд-рея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускать оброк и недоимку, и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста, и за каких взяток оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учи-нил ложный донос, обоих их дома опечатать и определить караул; а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Естьлиж в чем-либо будут они чинить заперательство, то объяви им, что они бу-дут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сомнения, что староста донос учинил ложной, то за оное перевести его к нам на житье в село ***; буде же он за дальным расстоянием перевозиться и раззорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталось после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него Данилова взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению, но при том однакож объявить им, что збавки с них оброку не будет, и чтобы они, не де-лая никаких отговорок, оной платили без доимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет на взятые выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублей; и его перевести к нам в село *** на житье; а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него опричь штрафных двести рублей.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги, а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок без доимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и протч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привести с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеописанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 156—158.

Отрывок путешествия в*** И*** Т*** Глава XIV

<...> По выезде моем из сего города, я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответ, я к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему ты употребляешь во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содраганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, де-

ревни и помещиков их. Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ; истина пером руководствует!

Деревня *Раззоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача, я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоили меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне; и что хозяин одного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго; нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаем, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенной соломой, ежели оною наместить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух ото всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил и он успокоился. Другого нашел, обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломой; я тотчас его оборотил, и увидел, что без скорой помощи, лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти: скоро и этот успокоился. Подошел к третьему, увидел, что он был распеленый, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими хотя нечистыми, но однакож сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были; поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил: замолчал и этот. Смотря на сих младенцев, и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойствие! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносит ли он о том жалобы? — Нет: он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопил к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих озаряющее: призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжелой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившейся мне обморок был не продолжителен: я опомнился, спрашивал холодной воды; извозчик мой ее принес из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой; но в ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет; и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики, сказал я, вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома: извозчик отвечал, что все крестьяне и крестьянки в поле; прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние во-

рота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издали пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, сказал извозчик; я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин доброй, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках; и столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: *не бойтесь, он вас не убьет, он боярин доброй, он пожалует вам на лапти*. Робятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад крича: *аи! аи! аи! берите все что есть, только не бейте нас!* Извозчик, схватя одного из них спрашивал, чего они испужались. Мальчишка тресучись от страха говорил: *да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засечет*. Вот плоды жестокости и страха: о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей! Не бойся, друг мой, сказал я испужанному красным кафтаном мальчику, я не ваш барин, подойди ко мне, я тебе дам денег. Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги, и оборотясь кричал другим: *ступайте сюда, ребята, это не наш барин, это барин доброй; он дает деньги и не дерется!* Робятишки тотчас все ко мне прибежали: я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: *у меня деньги! у меня пирог!*

<...> Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи и сама природа призывала всех от трудов к покою.<...> А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошел на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: не прогневайся, господин добрый, что нас никого не прилучилось дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесный дал нам ведро и мы торопимся убрать жниво, пока дожди не захватили. По сиось день господень всею таки у нас, родимой, погода стоит добрая и мы почти со всем господским хлебом управились: авось таки милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашева боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем, а с своим то де, *изволит баять*, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб от наш и пропадает. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы: а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю. - Подите, друзья мои, сказал я им, отдыхайте: вавтра воскресенье и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше. - И, родимой, сказал крестьянин, как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за работу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда и работать было? Ведь мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют. - После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов по полуночи.

На другой день, поговоря с хозяином*, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучныя деревни*; хозяин мой столько наказывал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 295-297, 330-332.

* Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно, бы заслужил его любопытство и показал бы ясно,

что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Раззоренной деревни и подобных ему (примеч. Новикова).

Письмо уездного дворянина Сыну моему Фалалею

Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку: пришло с ума сойти! Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется я тебе много растолковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Ой сынок, спохватись! не сыграй над собою шулки: ведь недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смерти, впредь берегись, ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти 'ко мне в милость, так просись в отставку, да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить; пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было: это бы свое дело; а то ведь ты знаешь, что нынче время военное; неравно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку, да приезжай домой. Ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты зато поздоровее всех Егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать умеет, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порош даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе будет чем жить опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; ведь это, друг мой, не шулка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна; то-то любо! и курицы некуда будет выпустить. Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не кур-кай. Да полно, что тебя учить, ты веть уже не малой ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай, чуть токо не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубком, где бывало ты в молодых годах забавлялся: вешивал собак на сучья, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник с молоду! бывало животишки надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу! ума у тебя довольно: можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг

мой, от твоей охоты. Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла ето дело разыскивать и так насадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целой жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, как сошлет бог по душу, зная что, Фалалеюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налет-кою. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава богу! живы, авось-таки которой-нибудь удастся по матери; а мне уже едакой жены не нажить. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть. Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшка, с женою расставаться: я было уж к ней привык, тридцать лет жили вместе: как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну да как без етого, живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется; как без того, я крут больно, а она не уступчива, так бывало хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и дрались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь право жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон благословение тебе посылаю.

Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 362—364.

¹ И.И. Новиков – известный просветитель, журналист и книгоиздатель XVIII в. В своих журналах порицал паразитизм русского дворянства, резко критиковал бюрократизм, взяточничество, несправедливость, с документальной точностью показал действительное положение крепостной деревни.

² «Из Кронштадта». Впервые опубликовано в журнале «Трутенъ» (1769. Л. VI).

³ «Рецепт для г. Безрассуда». Впервые опубликован в журнале «Трутенъ» (1769. Л. XXIV).

⁴ «Копия с отписки». Впервые опубликовано в журнале «Трутенъ» (1769. Л. XXVI).

⁵ «Копия с другой отписки». Впервые опубликовано в журнале «Трутенъ» (1769. Л. XXX).

⁶ «Копия с помещичьего указа». Впервые опубликовано в журнале «Трутенъ» (1769. Л. XXX).

⁷ «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» впервые опубликован в журнале «Живописец» (1772. Ч. 1).

⁸ «Письмо уездного дворянина» - впервые опубликовано в журнале «Живописец» (1772. Ч. 1).

Д. И. ФОНВИЗИН (1745-1792)

Вопросы

Предисловие издателей журнала

Издатели «Собеседника» разделили труд рассматривать присылаемые к ним сочинения между собою по неделе, равно как и отвечать на оные, ежели того нужда потребует. Сочинитель Былей и небылиц, рассмотрев присланные Вопросы от неизвестного, на оные сочинил Ответы, кои совокупно здесь прилагаются.

«Собеседник любителей российского слова», под надзором почтенных наук покровительницы, есть и должен быть хранилищем тех произведений разума, кои приносить могут столько увеселения, сколько и действительной пользы. Издатели оного не боятся отвергать

двери истине; почему и беру вольность представить им для напечатания «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание». Бude оные напечатаны, то продолжение последует впредь и немедленно. Публика заключит тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвечать чистосердечно. Ответы и решения наполнять будут «Собеседник» и составлять неиссякаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархиней нашей.

Вопросы

1. Отчего у нас спорят сильно о таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сомнения?
2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?
3. Отчего все в долгах?
4. Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?
5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?
6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?
7. Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их не служа гвардии унтер-офицерами?..
8. Отчего в наших беседах слушать нечего?
9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?
10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?
11. Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?
12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?
13. Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титул дворянства было несумненным доказательством душевного благородства?
14. Имея монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом, удостоиваться ее милостыней одними честными делами, а не отваживаться проискывать их обманом и коварством?
15. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели; а ныне имеют, и весьма большие? <...>
16. Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?
17. В чем состоит наш национальный характер?

Ответы

- На 1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.
- На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.
- На 3. Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.
- На 4. Одни, быв богаче других, имеют случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получают отличие.
- На 5. Для того, что вольных типографий до 1782 года не было.
- На 6. От размножившихся клубов.

На 7. Одно легче другого.

На 8. Оттого, что говорят небылицу.

На 9. Оттого, что на суде не изобличены.

На 10. Оттого, что сие не есть дело всякого.

На 11. Оттого, что всякой любит и почитает лишь себе подобного, а не общественные и особенные добродетели.

На 12. Сие неясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить — не есть не делать ничего.

На 13. Сравнение прежних времен с нынешними покажет несумненно, колико души ободрены либо упали, самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.

На 14. Для того, что везде во всякой земле и во всякое время род человеческий совершенным не родится.

На 15. Предки наши не все грамоте умели. Н. В. Сей вопрос родился от *свободызычия*, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то пачли бы на нынешнего одного десять прежде бывших <...>

На 16. Временем и знанием.

На 17. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных.

Русская проза XVIII века.
М.; Л.; 1950. Т. 1. С. 523-526.

Вопросы Д.И. Фонвизина печатались в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1783. Ч. III), редактором и издателем которого были княгиня Дашкова и Екатерина II.

Екатерина II скрывалась под псевдонимом сочинителя «Былей и небылиц». Фонвизин сделал вид, что не знает, кто этот автор, и обращается к нему как равный к равному. Используя показной либерализм императрицы, Фонвизин рискнул опубликовать свои 20 вопросов, но от продолжения их вынужден был отказаться.

На издание собственного журнала «Друг честных людей или Стародум» (1788) Фонвизин разрешения не получил.

Под 14 номером содержалось два вопроса.

А. Н. РАДИЩЕВ (1749-1802) **Беседа о том, что есть сын Отечества**

Не все, рожденные в Отечестве, достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). — Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем. — Поудержись чувствительное сердце, не произноси суда твоего на также изречения, доколе стоиши при праге. — Вступи и вижь! — Кому не известно, что имя сына Отечества принадлежит человеку а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек — существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободою волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. — Все сие обретает он в едином по-следовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, извлеченным от божественных и естественных гражданским, или общежительным. — Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына Отечества? — Он не человек, но что? он ниже скота; ибо и скот следует своим законам и не примечено еще в нем удаления от оных. Но здесь не каса-

ется рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тягломому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои ни что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого; работают необходимое для человека от страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук? – Не о сих здесь слово; они не суть члены Государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимые Мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! – Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества! – Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? – Не в объятиях ли неги и любострастия? – Не объятый пламенем гордости, любоначалия, насилия! – не зарытый ли в скверноприбыточестве, зависти, зловождедении, вражде и раздоре со всеми, даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют, и к одному и тому же устремляются? – или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства? – Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома, для бессмысленнейшего пустоглаголения, для оболъщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика, или лучше сказать живописною палитрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом, из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, – словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольской большого света науки; – он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои; переодевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко, – он щеголь. – Не сей ли есть сын Отечества? – или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, – словом, всеми, одному ему известными, средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? – потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. – Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! сей ли есть сын Отечества? – Или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого Отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостью, ежели открывается ему случай к новому приобретению; пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и

пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего; – он умножает свое имение, а сего и довольно. – Итак, не сему ли принадлежи имя и-шпа чества? – Или не тот ли, сидящий за исполненными произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель, и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими? Итак, конечно, сей, или же который-нибудь из вышесказанных четырех? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын Отечества, ежели он не в числе сих! – Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человеков, не согласен наименовать вычисленных людей сынами Отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не находят такими); но на подобных себе и приговорят исключить таковых из числа сынов Отечества; поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел <...>

Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, работаема насилием, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием, и не обретая нигде утешения своего. – Не доказывает ли сие, что он любит *Честь*, без которой он, как без душ и. Не нужно здесь изъяснять, что сия есть истинная честь; ибо ложная, вместо избавления, покоряет всему вышесказанному, и никогда не успокоит сердца человеческого. – Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предупреждений к тихому ее, чести то есть, свету. – Нет ни одного из смертных толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению *Чести*. Всяк желает лучше быть уважаем, нежел и поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе: как бы ни силился ласкатель Александра Македонского, Аристотель, доказывать себе противное, утверждая, что сама природа расположила уже род смертных так; что одна и при том гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии, и следовательно, не чувствовать, что есть *Честь*? а другая в господственном, потому что не многие имеют благородные и величественные чувствования. – Не с порно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена в мрачность варварства, зверства и рабства; но сие ни мало не доказывает, что человек не рожден с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя, и следовательно, к люблению истинной славы и *Чести*. Причиною тому или род провождаемой жизни, или обстоятельства, в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающий оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного. – Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О, ежели б, вы проникли цепь всея природы, сколько вы можете, а можете много, то другие бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ¹, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания, и при которых истинный Друг человечества содрогается. – Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? Поистине она лишилась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком рождается она пламенная любовь к снисканию *Чести* и похвалы у других. – Сие происходит из врожденного человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувство толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ,

посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшего существа, свидетельствуемая услаждением совести; и заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадежным в средствах сохранения и совершенствования самого себя. — И если сие так, то кто сомневается, что сильная она любовь к *Чести* и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностью и похвалою от других есть величайшее и надежнейшее средство, без которого человеческое благосостояние и совершенствование быть не может? — Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои неизбежны на пути, ведущем к достижению блаженного покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои? — Какое есть средство к избавлению от страха пасть на веки под ужаснейшим бременем оных? ежели отъять, во-первых, исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему существу, не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а потом к подобным себе, с которыми соединила нас природа, ради взаимной помощи и которые внутренне преклоняются к готовности оказывать оную и, при всем заглушении сего внутреннего гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя, кто посеял в человеке чувствование сие искать прибежища? — Врожденное чувствование зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство. — И что, наконец, побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами, и к заботе нравиться им? — Поистине ни что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратий своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства. — Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений! — и се начало того побуждения к люблению *Чести*, которое посеяно в человеке при начале сотворения его! се причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро изливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостью при воззрении его, похвалами, восклицаниями. — Се предмет, к коему стремятся истинные люди и где обретают истинное свое удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *Честолюбив*.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, Монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних; ибо единою любовью приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии, почести, превозношении и славе, которая есть спутница, или паче, тень, всегда следующая за добродетелию, освещаемую не вечерним солнцем правды; ибо те, которые гонятся за славою и похвалою, не только не приобретают для себя оных от других, но паче лишаются.

Истинный человек есть истинный исполнитель всех предуставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным. — Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования, слова и деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому, что порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении Отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови государственного тела. — Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонравия и тем отнять у Отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оного; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовью к целостности и спокойствию своих соотечичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благород-

ном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением чести, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью; если же она нужна для Отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства и совершенствования соотечественников своих. Словом, он *благодарен*! Вот другой верный знак сына Отечества! Третий же и, как кажется, последний отличительный знак сына Отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто сияет в обществе разумом и добродетелию и, будучи воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинаясь законам и блюстителям оных, предержащим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения соотечественников и государя своего, который есть отец народа, ничего не щадя для блага Отечества. Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени Отечества, и который не иначе чувствует при том воспоминании (которое в нем непрестанно) как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его чести. Он не жертвует благом Отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательные, в глаза его; всем жертвует для блага оного: верховная его награда состоит в добродетели, то есть в той внутренней стройности всех наклонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце, и которой в ее тишине и удовольствии ничто в свете уподобиться не может. Ибо истинное *благородство* есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам Естества и Народоуправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвященной древности, так и нынче почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына Отечества!

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына Отечества, и хотя всяк сроден иметь оные, но не могут однакож не быть нечисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащего воспитания и просвещения Науками и Знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления и наводняет целые государства злочестиями, беспокойствами, раздорами и неустройством. Ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические. – Почему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви Отечества, к желанию подражать великим в том примерам, також к любви к наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общежитии звание; применился бы к упражнению в истории и философии или любомудрии; не школьном, для словопрения единственно обращенном, но в истинном, обучающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса, возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изваяния, архитектуры или зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такого точно воспитания, и на сих правилах основанного, введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

Радищев А.Н. Поли. собр. соч.
М.; Л., 1938. Т. I. С. 213-224.

А.Н. Радищев – писатель и публицист, философ. Внес в русскую литературу идею революционного преобразования общества, враг крепостничества. Автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Статья «Беседа о том, что есть сын Отечества» впервые была опубликована в ежемесячном журнале «Беседующий гражданин» (1789. Ч. III) анонимно по соображениям безопасности.

¹ *Позорище – зрелище.*

И. А. КРЫЛОВ (1769-1844)

ПОЧТА ДУХОВ

Письмо осьмое

От сильфа Световида к волшебнику Маликульмульку

Когда воображаю я, мудрый и ученый Маликульмульк, что человек ничем другим не отличается столько от прочих творений, как величиною своей души, приобретаемыми познаниями и употреблением в пользу тех дарований, коими небо его одарило, тогда, обратя взор мой на жилище смертных, с сожалением вижу, что поверхность обитаемого ими земного шара удрущается множеством таких людей, коих бытие как для них самих, так и для общества совершенно бесполезно и кои не только не вменяют в бесчестье слыть тунеядцами, но по странному некоему предубеждению почитают праздность, презрение наук и невежество наилучшими доказательствами превосходства человеческого.

Деревенский дворянин, который, провождая всю свою жизнь, гонясь целую неделю по полям с собаками, а по воскресным дням напиваясь пьян с приходским своим священником, почел бы обесщеченным благородство древней своей фамилии, если б занялся когда чтением какой нравоучительной книги, ибо с великим трудом едва научился он разбирать и календарные знаки. Науки почитает он совсем не свойственным упражнением для людей благородных; главнейшее же их преимущество составляет в том, чтоб повторять часто с надменностью сии слова: мои деревни, мои крестьяне, мои собаки и прочее сему подобное. Он думает, что исполняет тогда совершенно долг дворянина, когда, целый день гонясь за зайцами, возвращается ввечеру домой и рассказывает с восторгом о тех неисповедимых чудесах, которые наделали в тот день любимые его собаки, – словом, ежедневное его упражнение состоит в том, что он пьет, ест, спит и ездит с собаками.

Дворянин, живущий в городе и следующий по стопам нынешних модных вертопрахов, не лучше рассуждает о науках: хотя и не презирает он их совершенно, однако ж почитает за вздорные и совсем за бесполезные познания. «Неужели, – говорит он, – должен я ломать голову, занимаясь сими глупостями, которые не принесут мне никакой прибыли? к чему полезна философия? ни к чему более, как только, что упражняющихся в оной глупцов превращает в совершенных дураков. Разбогател ли хотя один ученый от своей учености? наслаждается ли он лучшим здоровьем, нежели прочие? – Совсем нет. – Ученые и философы таскаются иногда по миру; они подвержены многим болезням по причине чрезмерного их прилежания; зарывшись в книгах, провождают они целые дни безвыходно в своих кабинетах; и, наконец, после тяжких трудов, живучи во всю свою жизнь в бедности, умирают таковыми же. Куда какое завидное состояние! – Поистине, надобно сойти с ума, чтоб им последовать. Пусть господа ученые насыщают желудки свои зелеными лаврами и утоляют жажду струями Ипокрены; что до меня касается, я не привык к их ученой пище. Стол, установленный множеством блюд с хорошим кушаньем, и несколько бутылок бургундского вина несравненно для меня приятнее. Встав из-за стола, спешу я как наискорее заняться другими веселостями: лечу на бал, иногда еду в театр, после в маскарад; и во всех сих местах пою, танцую, резвлюсь, кричу и всеми силами стараюсь, чтобы ни о чем не помышляя, упражняться единственно в забавах».

Вот, премудрый Маликульмульк, каким образом рассуждает о науках большая часть дворян...

Почта духов. 1789. Ч. 1. Крылов И.А. Соч.

Письмо первоенадесять

От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку

На сих днях, любезный Маликульмульк, я был с моим сотоварищем у одного богатого купца, который праздновал свои именины. Ты, может быть, удивишься, что столь знатный в своем роде человек, каков мой приятель, удостоил своим посещением торговца, но его удивление уменьшится, когда ты узнаешь, что он должен имениннику по векселям шестьдесят тысяч рублей, и для того часто пляшет по его дудке. Здешние заимодатели, имеющие знатных должников, имеют по большей части то одно утешение, что пользуются вольностью напиваться иногда с ними допьяна, и, вместо платежа денег, получают от них учтивые поклоны и уверения о неперменном их покровительстве.

Имянинник, как видно, был великий хлебосол; он имел у себя за столом немало гостей, между коими занимали первое место один вельможа, человека три позолоченных придворных и несколько начальников сего города, да из числа известных мне по своим именам, о которых я нарочно наведася, чтоб мог тебе обстоятельнее пересказать о любопытном их разговоре. Были г. Припрыжкин, Рубакин – драгунский капитан, Тихокрадов – судья и художник Трудолобов; я, как ты можешь себе представить, был также не из последних, и сидел подле хозяйского сына, мальчика прелюбезного лет четырнадцати, который был доброю надеждою и утешением в старости своего отца.

Стол был великолепен, и Плуторез, так назывался именинник, кормил всех очень обильно; веселье в обществе нашем умножалось с преумножением вина; разговоры были о разных предметах, и попеременно говорили о политике, о коммерции, о разных родах плутовства и о прочем. – Вельможа, одетый с ног до головы во французской глазет и убранный по последней парижской моде, защищал пользы отечества и выхвалял любовь к оному; судья ставил честь выше всего на свете, купец хвалил некорыстолюбие, но все вообще согласны были в том, что законы очень строго наказывают плутов и что надобно уменьшить их жестокость. Вельможа обещал подать голос, чтобы уничтожить увечные и смертные наказания, исполняемые за грабительства и за плутовства для их искоренения, за что многие из гостей, а более всего судья Тихокрадов и наш хозяин Плуторез очень его благодарили, и хотя сей вельможа, как я слышал, ежедневно делает новые обещания, однакож старых никогда не исполняет, но гости не менее были и тем довольны, что остались в надежде, для которой нередко просители посещают прихожие знатных особ.

Но как в столь большом собрании разговоры не могли быть одного содержания, то, наконец, речь зашла о хозяйском сыне <...>

Скажи мне, – спрашивал один из придворных хозяина, – для чего оставляешь ты сына твоего в праздности, он уже в таких летах, что может вступить в службу, или, по крайней мере, считаться в оной?

– Милостивый государь! – отвечал Плуторез, – это правда, что Вася уже на возрасте, и я не намерен всеконечно оставлять его без дела, но я еще не избрал род службы, в которую бы его определить.

– Друг мой, – сказал Придворный, – оставь его на мое попечение, ты можешь быть уверен в моей к тебе благосклонности, имев явное доказательство, что из дружбы к тебе я не совещусь занимать у тебя деньги и быть должными оными, а потому не можешь сомневаться о моем участии, какое приемлю я в счастье твоего сына. Дело состоит только в том, чтоб ты дал двадцать тысяч в мои руки, которые употреблю я в его пользу; помещу имя его в список отборного военного корпуса; сделаю его дворянином и потом пристрою его ко двору, словом, я поставлю его на такой ноге, чтоб он со временем мог поравняться с лучшими, делающими фигуру в большом свете. Сколь же такое состояние блистательно, ты сам оное знаешь и надобно только иметь глаза, чтоб видеть нас во всем нашем великолепии, на усовершенствование которого портные, брил-

лиантщики, галантерейщики и многие другие художники истощают все знания и искусство, чтобы тем показать цену наших достоинств и дарований... Богатые одежды, сшитые по последнему вкусу; прическа волос; пристойная сановитость; важность и уклончивость, соразмерные времени, месту и случаю, возвышение и понижение голоса в произношении говоримых слов, выступка, ужимки, телодвижения и обороты отличают нас в наших заслугах и составляют нашу службу. Грамоты предков наших явно всем доказывают, что кровь, протекающая в наших жилах, издавна преисполнена была усердием к пользе своего Отечества; а наши ливреи и экипажи нележно доказывают о важности наших чинов в государстве. Какое же состояние может быть завиднее и спокойнее нашего? — Правда, что философы почитают нас мучениками, однако ж то несправедливо, а за то и мы считаем их безумцами, пустою тенью услаждающими горестную и бедную свою жизнь. Итак, друг любезный, что тебе стоит двадцать тысяч, не сущая ли это безделка в сравнении с тем счастьем твоего сына, которое я сильнейшим своим предстательством обещаю ему доставить; а знакомые мои, танцмейстер, актер, портной и парикмахер, через короткое время пособят мне сделать из твоего сына блистательную особу в большом свете.

— Как, сударь, — вскричал Рубакин, — вы называете блистательным то состояние в большом свете, в котором люди за свои достоинства обязаны некоторым искусникам; но из вашего мнения можно действительно доказать, что те самые искусники несравненно должны быть знатнее тех своих кукол, которых они, украшая, дают цену их достоинствам и... но что об этом много говорить! Нет, любезный Плуторез, если ты хочешь, чтоб сын твой был полезнее своему Отечеству, то я советую тебе записать его в военную службу. Вообрази себе, какое это прекрасное состояние, которое можно по справедливости сказать, что есть первейшее в свете, потому что не подвержено никаким строгостям, ниже каким опасностям, сопряженным с придворною жизнью. Военному человеку нет ничего не позволенного; он пьет для того, чтоб быть храбрым; переменяет любовниц, чтобы не быть ничьим пленником; играет для того, чтобы привыкнуть к непостоянству счастья, толь сродному на войне; обманывает, чтобы приучить свой дух к военным хитростям, а притом и участь его ему совершенно известна, ибо состоит только в двух словах: чтоб убивать своего неприятеля, или быть самому от одного убиту; где он бьет, то там нет для него ничего священного, потому что он должен заставлять себя бояться; если же его бьют, то ему стоит оборотить спину и иметь хорошую лошадь; словом, военному человеку нужен больше лоб; нежели мозг, а иногда больше нужны ноги, нежели руки; и я со-старелся уже в службе, но всегда был того мнения, что солдату не годится умничать. Итак, ты ничего умнее не сделаешь, как если запишешь своего сына в наш полк, ты же человек богатый, почему можешь сделать ему хорошее счастье; деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и уверяю тебя, что твой сын сам будет тем доволен.

— Государь мой, — сказал улыбаясь Тихокрадов, — вы с таким жаром говорите о своем звании, что слушатели могут подумать, будто статское состояние и в подметки вашему не годится, хотя, не располагая пустых слов, я могу коротко сказать, что, служа в сем состоянии, обязан я оному знатным доходом, состоящими из десяти тысяч; вступая же в оное, не имел я ни полушки, и так, сие одно довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнее, нежели шпага; но я не люблю жарких споров, а держусь лучше основательных доказательств. Я не отрицаю выгод военного человека, но знаете ли, что статское состояние есть сборище лучших выгод из всех других состояний?

— Как! — вскричал Рубакин, — вы подъячих сравниваете с воинами? — Но можете ли вы в том успеть? Одно это, когда мы возьмем какую крепость, сколько приносит нам славы и сколько потом чувствуем удовольствия, обогащая себя всем, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой может иметь такую волю, чтоб без малейшего нарушения права присваивать себе вещи, никогда ему не принадлежавшие?

— Пойдите, пойдите, — прервал с скоростью Тихокрадов, — дайте мне докончить; вы тогда сами увидите, правду ли я сказал. Статской человек столько же казаться может блистателен, сколько и придворный; он так же может приобретать себе дарования пособиями тех самых искусников, которые своим искусством составляют достоинства большей части придворных, чему многие из наших судей могут быть явным доказательством; а иные столько уже в том себя отличили, что лучше знают, как одеться по последней моде и, сообразно годовому времени, нежели как отправлять по надлежащему свою должность и вершить судебные дела, штатский человек столько же может иметь тогда славы, сколько я военный, когда он, сообразив все последствия и проникнув в сущность дела, разрушит все хитросплетения гнусных лжей, покрывавших мраком целый век или и более истину, которой определением своим доставит принадлежащую ей справедливость. Что ж принадлежит до обогащения его, то он имеет еще то преимущество, что, не отлучаясь за несколько сот или тысяч верст и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воин, может ежедневно обогащать себя и присваивать вещи с собственного согласия их хозяев, которые за немалое еще удовольствие себе поставляют служить оными и почитают за отменную к ним благосклонность, если от них оные принимаешь. Сверх того, статской человек может производить торг своими решениями точно так же, как и купец, с тою токмо разницею, что один продает свои товары по известным ценам на аршины или на фунты, а другой измеряет продажное правосудие собственным своим размером и продает его сообразуясь со стечением обстоятельств и случая, смотря притом на количество приращения своего богатства. Если вы против сего скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мере должны в том признаться, что в свете введенные обыкновения столь же сильны, как и самые законы, сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько простиительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы или сколько сему последнему позволительно, обогатив себя чужими деньгами и надавав в приятельские руки пустых на себя векселей, избавиться тем от платежа истинных своих долгов. Итак, видишь ли, друг мой, — продолжал он, оборотясь к хозяину, — что я не солгал, и ты весьма несправедливо сделаешь, если предпочтешь какое-нибудь состояние статскому, в котором он может быть столько же знатен и блистателен, сколько и придворный; столько же обогащать себя всем, что ни увидит, сколько и воин, и с такою же способностью торговать, как и купец. Не отлагай же долее, отдай его в мой приказ и будь уверен, что я выведу его в люди. Не думай, чтоб я это обещал из одной учтивости, нет, мне ничего не стоит доставить ему чин, чему явным доказательством мой дворецкий, которого за усердную его ко мне службу сделал я секретарем, и так, когда я дворецкому доставил такое счастье, то будь уверен, что тебе, как моему другу, могу более услужить; нужно только потерять тебе несколько тысяч при его производстве, так и дело с концом...

Почта духов. 1789. Ч. I.
Крылов И.А. Соч. Т. 1. С 66—74.

Письмо двадцать четвертое

От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Примечено мною, почтенный Маликульмульку, что в гражданском обществе всего легче дается людям такое название, которое очень немногие из них заслуживают и которое должно бы быть больше уважаемого ежели бы люди поприлежнее размышляли о потребных для сего названия достоинствах. Люди всего чаще говорят: вот *честной человек*, а всего реже можно найти в нынешнем свете такого, который бы соответствовал сему названию. <...>

Ежели рассмотреть прилежнее, мудрый Маликульмульк, различные состояния людей и войти в подробное исследование всех человеческих слабостей и пороков, которым люди нынешнего века часто себя порабащают и кои причиняют великий вред общественной их пользе, то можно увидеть очень многих, которым щедро дается название *честного человека*, а они нимало того не заслуживают.

Придворный, который гнусным своим ласкательством угождает страстям своего государя, который, не внемля стенанию народа, без всякой жалости оставляет его претерпевать жесточайшую бедность и который не дерзает представить государю о жалостном состоянии, страшась притти за то в немилость, может ли назваться *честным человеком*? Хотя бы не имел он ни малого участия в слабостях своего государя, хотя бы не подавал ему никаких злых советов и хотя бы по наружности был тих, скромен и ко всем учтив и снисходителен; но по таковым хорошим качествам он представляет в себе *честного человека* только в обществе, а не в глазах мудрых философов, ибо, по их мнению, не довольно того, чтобы не участвовать в пороках государя; но надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред обществу, хотя бы чрез то должен он был лишиться милостей своего государя и быть навсегда от лица его отверженным.

Богач, который неусыпными стараниями, с изнурением своего здоровья, собрал неисчетное богатство и наполнил сундуки свои деньгами, не подавая бедным нимало помощи, хотя все сии сокровища приобрел позволенными способами; однако ж *честным человеком* назваться может только в обществе, в глазах же философа почитается он скупцом и скрягою, нимало почтения честных людей не достойным.

Мот, который расточает свое имение с такою же прилежностью, с какой скупой старается его сохранять; который то употребляет на роскошь, что должен бы был употребить на вспоможение несчастным; который живет в изобилии, не чувствуя ни малого сострадания к бедности многих от голода страждущих, коим мог бы он сделать немалую помощь. Такой безумный расточитель ежели на роскошь свою употребляет только свои доходы и не имеет на себе долгов, в обществе называется *честным человеком*; но философы таким его не почитают, а он в глазах их хуже диких варваров, которые и о скотах более имеют соболезнования, нежели он о подобных себе человеках. Надменный вельможа, думающий о себе, что знатное его рождение дало ему право презирать всех людей и что, будучи сиятельным или превосходительным, не обязан оказывать никому ни малого уважения и благосклонности, если платит хорошо своим заимодавцам, если не поступает мучительно с своими подчиненными, а только их презирает, и если при исполнении возложенной на него должности не притесняет народ, правлению его вверенный, то в обществе называется *честным человеком*; но философы почитают его таким, который поступками своими оскорбляет человечество; который будучи надут гордостью, позабывает и самомалейшие добродетели; не познает самого себя, и его безумное тщеславие столь же порочно и предосудительно, как зверская лютость дикого американца. Многие разумные люди утверждают, что гораздо сноснее быть умерщвлену, нежели презираему; ибо смерть оканчивает все мучения, а к презрению никогда привыкнуть невозможно, и чувствуемое от одного мучительное оскорбление час от часу не престанно умножается. Чем более кто питает в себе благородных чувств, тем сносимое от других презрение бывает для него мучительнее. Итак, сего высокомерного и гордого вельможу должно почитать чудовищем, которого небо произвело на свет для испытания добродетели и кроткой терпеливости простых людей, ему подчиненных.

В обществе также называется *честным человеком* тот судья, который, не уважая ничьих просьб, делает скорое решение делам, не входя нимало в подробное их рассмотрение; но философы не думают, чтоб единого токмо старания о скорейшем решении судебных дел было довольно для названия судьи честным человеком; а по их мнению надлежит, чтоб он имел знание и способность, нужные для исполнения его должности. Судья хотя бы был праводушен и беспристрастен, но производства судебных дел совсем не

знающий, в глазах философа тогда только может почестся *честным человеком*, когда беспристрастие его заставит его почувствовать, сколько он должен опасаться всякого обмана, чтоб по незнанию не сделать несправедливого решения, и побудить его отказаться от своей должности. Если бы все судьи захотели заслужить истинное название честного человека, то сколько бы присутственных мест оставалось пустыми! И если бы для занятия сих мест допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы уменьшилось.

Чтобы быть совершенно достойным названия *честного человека* и чтоб заслужить истинные похвалы, нужно сохранять все добродетели. И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и бессмысленный судья. <...>

Почта духов. 1789. Ч. 1.

Крылов И.Л. Соч. Т. 1. С. 143-146.

Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом, в присутствии его приятелей, за чашею пунша

Любезные слушатели!

В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ – разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день, с неустрашимостию гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадию прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела, чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоинствах: оба были равно полезные обществу, оба вели равную жизнь и, наконец, умерли одинаково славною смертью. Со всем тем дружество мое к покойнику склоняет меня на его сторону и обязывает прославить память его, ибо хотя многие говорят, что сердце его было, так сказать, стойлом его гнедой лошади, но я могу похвалиться, что после нее покойник любил меня более всего на свете. Но хотя бы и не был он мне другом, то одни достоинства его не заслуживают ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, как память дворянина, который служит примером всему нашему окольному дворянству.

Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте, – нет, это было одно из последних его дарований, кроме сего имел он тысячу других приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов вырабатывают в год, он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою, он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью. Глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях, искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры. Но я примечаю, что восторг мой отвлекает меня от порядку, который я себе назначил. Обратимся же к началу жизни нашего героя: сим средством не потеряем мы ни одной черты из его похвальных дел, коим многие из вас, любезные слушатели, подражают с великим успехом. Начнем его происхождением.

Сколько ни бредят философы, что по родословной всего света мы братья, и сколько ни твердят, что все мы дети одного Адама, но благородный человек должен стыдиться такой философии, и если уже необходимо надобно, чтоб наши слуги происходили от Адама, то мы лучше согласимся признать нашим праотцем осла, нежели быть равного с ними происхождения. Ничто столь человека не возвышает, как благородное происхождение: это первое его достоинство. Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Если это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлейших простолюдинов, и что никакими выгодами не отличают нашего брата дворянина: это знак ее лености и нерачения. Так, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, как самому последнему червяку уделяет она выгоды, свойственные его состоянию; когда самое мелкое насекомое получает от нее свой цвет и свои способности; когда, смотря на всех животных, кажется нам, что она неисчерпаема в разновидности и в изобретении; тогда, к стыду ее и к сожалению нашему, не выдумала она ничего, чем бы отличился наш брат от мужика, и не прибавила нам ни одного пальца в знак нашего преимущества перед крестьянином. Неужели же она более печется о бабочках, нежели о дворянах? И мы должны привешивать шпагу, с которою бы, кажется, надлежало нам родиться. Но как бы то ни было, благодаря нашей догадке, мы нашли средство поправлять ее недостатки и избавились от опасности быть признанными за животных одного рода с крестьянами.

Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству, вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству. Чем древнее и далее от нас сей предок, тем блистательнее наше благородство: а сим-то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойные похвалы; ибо более трех сот лет прошло, как в роде его появился добродетельный и разумный человек, который наделал столь много прекрасных дел, что в поколении его не были уже более нужны такие явления, и оно до нынешнего времени пробавлялось без умных и добродетельных людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконец, появился наш герой Звениголов; он еще не знал, что он такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рождения; и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице. В этом ребенке будет путь, сказал некогда восхищаясь его отец: он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что он благородной крови. И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с такого благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой кого-нибудь не оцарапал. На пятом еще году своего возраста приметил он, что окружен такою толпою, которую может перекусать и перещипать, когда ему будет угодно.

Премудрый его родитель тотчас смекнул, что сыну его нужен товарищ; хотя и много было в околоте бедных дворян, но он не хотел себя унижить до того, чтоб его единородный сын разделял с ними время, а холопского сына дать ему в товарищи казалось еще несноснее. Иной бы не знал, что делать, но родитель нашего героя тотчас помог такому горю и дал сыну своему в товарищи прекрасную болонскую собачку. Вот, может быть, первая причина, отчего герой наш во всю свою жизнь любил более собак, нежели людей, и с первыми проводил время веселее, нежели с последними. Звениголов, привыкший повелевать, принял нового своего товарища довольно грубо и на первых часах вцепился ему в уши. Но Задорка, так звали маленькую собачку, доказала ему, как вредно иногда шутить, надеясь слишком на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой наш остолбенел, увидя в первый раз такой суровый ответ на обыкновенные свои обхождения; это был первый щипок, за который его наказали. Сколь сердце в нем не кипело, со всем тем боялся отвесть сразиться с Задоркою и бросился к отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новым его товарищем.

«Друг мой! – сказал беспримерный его родитель, – разве мало вокруг тебя холопей, кого тебе щипать? На что было трогать тебе Задорку? Собака ведь не слуга: с нею надобно осторожнее обходиться, естли не хочешь быть укушен. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпеть не разевая рта, как разумную тварь».

Такое наставление сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него из памяти. Возрастая, часто занимался он глубокими рассуждениями, к коим подавало оно ему повод: изыскивал способы бить домашних своих животных, не подвергаясь опасности, и сделать их столь же безмолвными, как своих крестьян, по крайней мере, искал причин, отчего первые имеют дерзости более огрызаться, нежели последние, и заключил, что его крестьяне ниже его дворовых животных <...>

Чадолубивый отец, приметя, что дитя его начинает думать, заключил, что время начать его воспитание, и сам посадил его за грамоту. В пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать. Такие успехи устрашали его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнюю страницу букваря кончил его курс словесных наук. «Этой грамоты для тебя полно, — говорил он ему, — стыдись знать более, ты у меня будешь барин знатной, так не пристойно тебе читать книги».

Герой наш пользовался таким прекрасным рассуждением и привык все книги любить, как моровую язву <...>

Зритель. 1792. Ч. III.
Крылов И.А. Соч. Т. 1 С. 337-345.

И.А. Крылов издавал ряд журналов: «Почта духов, ежемесячное издание или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами» (1789), «Зритель» (1792), «С.-Петербургский Меркурий» (1793).

В Хрестоматии приводятся материалы первых двух изданий. «Почта духов» построена в виде переписки вездесущих невидимых существ: гномов (дух земли), сильфов (дух воздуха), ондинов (дух воды) с волшебником Маликульмульком.

Вопросы для повторения

1. Какого было значение петровских «Ведомостей» для русской журналистики?
2. Какой характер носила информация в «Ведомостях»?
3. Назовите первых журналистов-профессионалов.
4. Какова была роль М.В. Ломоносова в развитии русской журналистики XVIII в.?
5. Проанализируйте статью Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов...» (тема, идея, жанр и др.).
6. Назовите наиболее значительные сатирические журналы Н.И. Новикова.
7. В чем разница во взглядах на сатиру Новикова и Екатерины II?
8. Перечислите основные жанры сатирических изданий XVIII.
9. Назовите наиболее значительные сатирические журналы И.А. Крылова.
10. Какие нравственные качества хотел бы видеть Радищев у граждан отечества?
11. Почему Н.М. Карамзина считают родоначальником «Настоящего журнала»?
12. Назовите первый частный журнал в России.

Темы курсовых работ

1. Характер первой русской печатной газеты «Ведомости».
2. Логичный дифирамб как прием сатирической журналистики XVIII в.
3. Функция жанра «открытое письмо» в журналах И.А. Крылова.
4. Профессиональный и гражданский кодексы журналиста по статьям М.В. Ломоносова и А.И. Радищева.
5. Первый частный журнал в России «Трудолюбивая пчела» А.П. Суморокова, его вклад в развитие русской публицистики.
6. Социально-политический характер сатиры в журнале Н.И. Новикова «Живописец».
7. Первые русские альманахи «Аглая» и «Аониды»

Литература ко всему курсу

1. История русской журналистики XVIII-XIX вв.: учебник / Под ред. А.В. Западова. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1973.
2. Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, Т. 1, 2, 1950, 1965.
3. Добролюбов Н.А. Русская сатира екатерининского времени // Собр. соч.: в 9 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1962. – Т. 5.
4. Есин Б.И., Кузнецов И.В. Три века московской журналистики. – М.: Триада, 1997.
5. Западов А.В. Русская журналистика 1769-1774 годов. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1959.
6. Западов А.В. Русская журналистика последней четверти XVIII века. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1962.
7. Западов А.В. М.В. Ломоносов и журналистика. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1961.
8. Русские сатирические журналы XVIII в. Избранные статьи и заметки / Под ред. Н.К. Гудзия. – М.: Учпедгиз, 1940.

Журналистика первых десятилетий XVIII в.

1. Феофан Прокопович. Сочинения. – М.-Л., 1961.
2. Алматов М.А. Русская сатирическая мысль и Западная Европа. XVIII, первая четверть XVIII века. – М., 1976.
3. Ничик В.М. Феофан Прокопович. – М., 1977.

Журналистика 30-50-х годов XVIII в.

1. Ломоносов М.В. Избранные произведения. – М.-Л., 1965.
2. Берков Б.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750-1765. – М.-Л., 1936
3. Берков Б.Н. А.П. Сумароков. – Л.-М., 1949.
4. Западов А.В. Русская журналистика XVIII в. – М., 1964.
5. Литературное творчество М.В. Ломоносова. Материалы и исследования. – М.-Л., 1962.
6. Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. – Л., 1968.

Журналистика 60-80-х годов XVIII в.

1. Новиков Н.И. Избранные сочинения / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Г.П. Макогоненко. – М.-Л., 1951.
2. Сатирические журналы Н.И. Новикова. «Трутенъ» (1769-1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772-1773), «Кошелек» (1774) / Редакция, вступительное слово и замечания Б.Н. Беркова. – М.-Л., 1951.
3. Русская сатирическая проза XVIII века / Вступ. статья Ю.В. Стенника. – Л., 1968.
4. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 т. – М.-Л., 1959.

5. Избранные письма и сочинения Д.И. Фонвизина / Под ред. Н.Л. Бродского. – М., 1974.
6. Кулакова Л.И. Денис Иванович Фонвизин. – М.-Л., 1966.
7. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII. – М.-Л., 1952.
8. Макогоненко Г.П. Денис Иванович Фонвизин. Творческий путь. – М.-Л., 1961.
9. Пекаров К.В. Творчество Фонвизина. – М., 1954.

Журналистика последнего десятилетия XVIII в.

1. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 т. – М.-Л., 1964.
2. Крылов И.А. Сочинения. В 2 т. – М., 1955.
3. Радищев А.Н. Избранные сочинения / Подготовка текста и вступительное слово Г.П. Макогоненко. – М., 1953.
4. Бабкин Д.С. А.Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. – М.-Л., 1966.
5. Благой Д. Сатирическая проза Крылова // И.А. Крылова. Исследования и материалы. – М., 1947.
6. Березина В.Г. Карамзин-журналист // Проблемы журналистики. Вып. 1. – Л., 1973.
7. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. – М., 1956.
8. Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791-1792). – М., 1978.
9. Степанов Н.Л. И.А. Крылов. – М., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Журналистика первых десятилетий XVIII века	5
Публицистика петровского времени	6
Феофан Прокопович	10
Журналистика 30-50 гг. XVIII века	14
М.В. Ломоносов	14
А.П. Сумароков	18
Журналистика 60-80 гг. XVIII века	22
Сатирическая журналистика 1769-1772 гг.	23
Н.И. Новиков	27
Д.И. Фонвизин	40
Журналистика последнего десятилетия XVIII века	47
И.А. Крылов	48
А.Н. Радищев	53
Н.М. Карамзин	62
Заключение	69
Хрестоматия	70
Предисловие	70
Первая русская печатная газета «Ведомости» (1703-1727). 2 января 1703 г.	71
М.В. Ломоносов. Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии	73
Н.И. Новиков. Ведомости	75
Рецепт для г. Безрассуда	75
Копия с отписки	76
Копия с другой отписки	77
Копия с помещичьего указа	78
Отрывок путешествия в ***И***Т	79
Письмо уездного дворянина	82
Д.И. Фонвизин. Вопросы	83
А.Н. Радищев. Беседа о том, что есть сын Отечества	85
И.А. Крылов. Почта духов. Письмо осьмое	90
Письмо первоенадесять	91
Письмо двадцать четвертое	93
Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом, в присутствии его приятелей, за чашею пунша	95
Вопросы для повторения, темы курсовых работ	98
Литература	99

Учебно-методическое пособие

Марина Станиславовна Штейман

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVIII ВЕКА

Учебно-методическое пособие

*Техническое исполнение - В. М. Гришин
Книга печатается в авторской редакции*

Формат 60 x 84 1/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Печ.л. 6,4. Уч.-изд.л. 6,3
Тираж 300 экз. Заказ 166-2010

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1